

Виктор Белозёров

От Москвы до Токио: выставки советского искусства и поездки худож- ников в Японию (1925–1933)

Советские выставки в Японии устроились в истории также плохо, как это случилось с японскими в СССР, а во многом даже хуже по причине их большего количества и разрозненности информации в архивных документах, не говоря об отсутствии освещения этих событий в отечественной прессе. В настоящем среди специалистов распространено представление о том, что единственной крупной выставкой и событием был показ советского искусства в 1927 году, а других инициатив словно не существовало и вовсе или они были менее значимыми. Настоящая статья — попытка восстановить все довоенные советские выставки и международные проекты на территории Японии с участием Советского Союза, а также уделить внимание фигуре Е. Г. Спальвина внутри этих процессов. Задача статьи — на основе документальной базы продемонстрировать репрезентацию советского искусства в Японии и контекст осуществления, успешный или провальный, этих событий.

Ключевые слова:

советское искусство за рубежом,
культурная дипломатия, выставочный обмен,
ВОКС, Спальвин, Бурлюк, Пунин.

Мы убеждены, что лучше блистать своим отсутствием, чем вызвать впечатление убожества.

О. Д. Каменева¹

Предисловие. Д. Д. Бурлюк и В. Н. Пальмов в Японии

Отечественное искусство в 1920-х годах открылось для Японии с приездом Д. Д. Бурлюка и В. Н. Пальмова с их «Первой выставкой русских художников», прошедшей в 1920 году при поддержке газеты «Осака Майнити». Полуторагодовой опыт в Иокогаме и ряде других городов Японии, до отъезда Бурлюка в США, обычно принято считать первой точкой соприкосновения между художественными мирами Японии и России в «новое» время. Выставка проходила в нескольких городах, от Токио до Осаки, и параллельно часто устраивались продажи произведений Бурлюка. Работы различались в цене — от 10 до 500 иен, в некоторых случаях доходя до 2000 иен. Писались портреты знакомых, где-то находились японцы, заинтересованные в приобретении работ художника, так один из священников буддистского монастыря хотел приобрести картину Бурлюка с японскими видами². В целом финансовое положение художника убедительно комментировал его знакомый, Афанасий Петрович Иошикику Такай: «Ваш доход от работы картины не большой как в Японии, как вы заработали в России до войны, но за то жизнь в Японии спокойно, и Вы можете стремиться к созданию картины красоты, потому что в Японии никто не мешает вам»³.

Собственный опыт Д. Бурлюка также нашел отражение в его записях:

1 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 166.

2 РГБ. Ф. 372. Оп. 25. Д. 30. Л. 1.

3 РГБ. Ф. 372. Оп. 15. Д. 35. Л. 1. В этом документе и далее сохранена авторская орфография.

«Войжировать» — быть наблюдателем бешеной борьбы за существование, которую Япония ведет огромное большинство, страна покажется иной и ее жители другими, чем если самому явится участниками этой борьбы, причем надо сказать, что будучи лишеным языка, будучи чужестранцем, можешь принимать в ней участие лишь отчасти в качестве одного из слабейших⁴.

Устраивая этой весной Японии четыре выставки, мне пришлось иметь дело с так называемой «улицей», и она не изменила моего мнения о известной добросердечности японцев, когда они у себя дома, когда они являются хозяевами... Никакая реклама, кроме, сенсационной, не способна создать посещаемость выставки⁵.

В отечественной периодике сохранилась лишь одна довольно едкая публикация за авторством Н. Асеева, которая одновременно вроде и признавала заслуги художника и успех его выставок, а с другой стороны, в некоторых своих строках, скорее, пыталась его задеть:

Организованная Д. Д. Бурлюком при участии художника В. Пальмова художественное турне по Японии имело большой успех как у широких масс населения (принцип бесплатности привлек на выставку огромное количество посетителей), так и у сложного аппарата министерства внутренних дел в Японии, в конце концов озабочившего скорейшей высылкой «беспокойных» художников за пределы охраняемых им «островов цветущей вишни» <...>

Вслед уехавшим в редакции газет полетела телеграмма «доброжелателя», редактировавшего английскую газету «Эхо» журналиста Бориса Лопатина, об отъезде в Японию «коммунистических агитаторов, командированных отделением «Роста» якобы с целью пропаганды идей большевизма.

Неудивительно, что после этого предупреждения японские жандармы окружили Д. Бурлюка и В. Пальмова неусыпным вниманием<...> Так требовали разъяснения сюжета картины «Народ и деспот» — изображавшей огромную каменную голову и замахнувшегося на нее киркой рабочего — «Что это означает» — вопрошали пронырливые

4 РГБ. Ф. 372. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

5 РГБ. Ф. 372. Оп. 3. Д. 2. Л. 1-2.

1. Д. Д. Бурлюк и В. Н. Пальмов в Японии. 1920
Фотография из журнала: Всемирная иллюстрация. 1922. №5. С. 14

жандармские ищейки. Бурлюк хмурился, пытался отвертеться туманными объяснениями (благо переговоры шли на отчаяннейшем француско-Июкогамском диалекте), но любопытные сыщики возымели огромный интерес к «содержанию» картины. Наконец припертый к стене Бурлюк, видя серьезную возможность конфискации картины, вдохновенно вытаскивает: — «Это этюд с сюжетом из «Руслана и Людмилы» [4, с. 14].

Опыт частной инициативы в представлении русского искусства уже через пару лет сменится государственной, с попыткой проникнуть не только на художественную территорию, но и провести внушительную, по надеждам устроителей, идеологическую и экономическую вылазку.

Пример Д. Д. Бурлюка исключительный, хотя стоит иметь в виду, что его пребывание в Японии и роль в привнесении футуристических веяний в японское искусство тоже до определенной степени романтизированы.

СОВЕТСКИЕ ВЫСТАВКИ В ЯПОНИИ (1925–1933)

1925 год

Самой первой выставкой, которая была проведена со стороны СССР в Японии, можно считать показ произведений К. Е. Костенко в 1925 году. Однако в случае этой выставки возникают сложности при уточнении деталей и обстоятельств ее проведения. В документах ВОКС и выставочных списках по Японии она отсутствует и встречается исключительно в справочнике выставок советского изобразительного искусства [1, с. 174], а также в самом каталоге Костенко [9, с. 13].

1926 год

Упоминание деталей последовавшей в феврале 1926 года выставки русской живописи и промышленных диаграмм встречается по большей части только в бюллетене ВОКС. Из этого материала становится известно, что это был показ живописи и диаграмм, связанных с развитием промышленности СССР. Организатором этого мероприятия выступила газета «Осака Майнити», событие прошло в одноименном городе [10, с. 14]. Однако в более позднем выпуске бюллетеня о ней писалось только как о выставке русской живописи, упоминание диаграмм исчезало, констатировался большой интерес аудитории к выставке и то, что передовицы японской прессы «пестрят снимками и отчетами о выставке» [28, с. 13]. В документах встречается лишь единичное упоминание, связанное с подготовительными работами:

«Японо-русское общество» в Токио с целью ознакомления японского народа с производительностью, правами и обычаями русского народа устраивает в наступающем году в г. Осака в части нового здания Универсального магазина «Омару-Гофукутэн» «Русскую выставку», которая откроется 7 января 1926 года. В связи с этим предприятием Япония обратилась к советской стороне для получения экспонатов (предметы домашней обстановки и обихода, а также разнообразные промышленные, кустарные, сельскохозяйственные, лесные и другие изделия)⁶.

В период с 21 по 23 августа 1926 года состоялась выставка печатных произведений СССР, проходившая в здании советского полпредства при содействии Японо-Советского общества (ЯСО) и Японо-русского литературно-художественного общества (ЯРЛХО). (Ил. 2.) Экспозиция была поделена на следующие разделы: «Уголок ВОКС», «Ленинский уголок», «Левый угол Ленинского уголка», «Серия плакатов вдоль левой стены большого зала полпредства», «Продукция японских печатных фирм»⁷. В справочнике советских выставок утверждается, что в экспозиции было 133 работы [11, с. 201], а в документах к выставке — 1370 экспонатов, среди которых было 160 плакатов и 300 различных фотоснимков. В период проведения выставки ее посетило 1200 человек, несмотря на то, что имелись трудности с осуществлением доступа в помещение полпредства, ввиду необходимости попадать на выставку по пропускам, а также был усиленный контроль со стороны японской полиции. Известно, что выставка была повторена и в других городах Японии, «в меньших размерах, с меньшим успехом»⁸, однако уточнений, в каких именно городах, не указано. В более формальном отчете, наоборот, утверждался ее безоговорочный успех в нескольких городах, но подтверждений этому триумфу в документах и списках выставок не найдено⁹.

Между прочим, особенно обратил на себя внимание огромный плакат, изданный Отделом наглядных пособий Главполитпросвета и рисующий развитие нашего хозяйства со времени 1862 года. Известный общественный деятель Японии виконт Симпей Гото очень заинтересовался этим плакатом, а мы послали ему особый экземпляр... Говорили о выставке решительно все газеты, очень многие дали по несколько снимков, а в иллюстрированных журналах появились целые страницы, посвященные ей¹⁰.

В центре зала установлены портрет и бюст Ленина и этому месту дано специальное наименование «Ленинский уголок»... Произведения печати, фотоснимки и плакаты до тесноты наполняют две комнаты... «Позади религии спрятан капитализм»... «Казалось красной

6 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 139.

7 Названия разделов указаны в соответствии с документом (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 169).

8 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 16.

9 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 65.

10 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 64.

2. Выставка советской печати в Токио 1926. Фотография из журнала: Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 39–41. С. 4

редькой, но оказалось шашкой красноармейца»...как бы то ни было, расставлены воззвания с таким текстом, что главное полицейское управление пожалуй несколько озадачено наклонит свою голову¹¹.

За этой выставкой¹² последовала следующая, А. Э. Миганаджиана, случившаяся в октябре 1926 года. В письме Е. Г. Спальвина, уполномоченного ВОКС в Японии, указано, что в ходе этой экспозиции было показано 15 картин художника, а также «несколько очень дорогих французских картин». Мероприятие было организовано секретарем японского турист-бюро при Министерстве железных дорог господином Яманака.

11 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 64–65.

12 В статье «Е. Г. Спальвин — секретарь советского посольства в Токио» Фудзимото Вакио дается чуть более подробное описание экспозиции, поскольку автор обращался к архиву японского МИДа. Но стоит учесть, что автор не уточняет, что это была выставка советской печати, а также излишне подчеркивает ее «успешность», не беря в расчет показы в других городах [33, с. 135–136].

Площадкой для проведения послужило здание «Ницубей-билдинг», в информационном бюллетене ВОКС указано, что выставка проходила в помещении англо-японской компании «Шицунайша». И если в том же бюллетене упоминалось, что выставка была популярна у зрителя и ее даже затем показали в Осака [8, с. 3], то Спальвин в своих записях отмечал, что популярность она сыскала лишь у представителей «чисто японской» школы. Он объяснял это следующим образом — широкая публика не посещала выставку, в прессе она не освещалась (хотя бюллетень утверждает обратное), а также на выставку пришли сотрудники полиции, поскольку кто-то пустил слух, что работы Миганаджиана являются «красной пропагандой», однако последствий никаких не последовало¹³.

В ноябре 1926 года советская сторона была приглашена к участию в Транспортной выставке по случаю 15-летия существования японского турист-бюро при Министерстве железных дорог, она должна была пройти в июне 1927 года¹⁴. Однако позже О. Д. Каменева, председатель ВОКС, в своей переписке с Е. Г. Спальвиным говорила о том, что они отказались от идеи участия в транспортной выставке, поскольку Советторгфлот и Наркомпуть не успели вовремя предоставить свои материалы, несмотря на то, что ряд участников выставки прибыли в Японию: «Мы убеждены, что лучше блистать своим отсутствием, чем вызвать впечатление убожества»¹⁵. Насколько можно судить из документов к выставке, туда успели добраться экспонаты опытно-показательной Экскурсионной базы НКП¹⁶. И хотя выставка подразумевала минимальный художественный характер, однако и там планировалось выставить некоторые фотографии и плакатную графику на тему быта и проведения экскурсий в разных регионах СССР¹⁷.

Неучастие в этой выставке ставилось Е. Г. Спальвину в упрек, поскольку ВОКС был оповещен о мероприятии в последнюю минуту, и они считали, что полпред «не потрудился» их проинформировать. Отдельно

13 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 156.

14 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 147.

15 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 166.

16 Среди экспонатов: различные журналы, альбомы, диаграммы, карты, схемы, книги, бюллетени, связанные с тематикой проведения экскурсий.

17 К примеру: плакат с фотографиями «По Москве», плакат «Печатные издания сотрудников экскурсбазы НКП и ИМВР», плакат «Алушта. Работы экскурсбазы с учащимися», рисунок-плакат «Горы Кавказа», плакат «Маслобыйный завод», плакат «Нефть. Ее обработка».

отмечалось, что павильон, который был сделан японским турист-бюро, не был одобрен: «Мы не можем благодарить Турист Бюро за убожество, которое они создали под видом Советского отдела»¹⁸.

1927 год

Выставка советского искусства 1927 года в наибольшей степени отложилась в истории ввиду активного информационного сопровождения в отечественных источниках¹⁹. Выступление в Японии было спланированным шагом, к которому осуществлялись обстоятельные приготовления в условиях ограниченных международных контактов. Долгое время велись переговоры в отношении не только подбора экспонатов к выставке, но и понимания ее целей в Японии, что можно почерпнуть из стенограммы заседания правления ВОКС от марта 1927 года:

О. Д. Каменева: Материальное осуществление этой выставки представило значительные трудности, но известные перспективы сбыта заставили поднять вопрос, что эта выставка может представить некоторый сбыт нашим картинам за границей. Как известно, сбыт на внутреннем рынке очень невелик. Не так давно на собрании художников Луначарский проводил мысль, что поиски внешнего рынка очень настоятельны, так как только они являются бесспорной базой для дальнейшего развития нашего искусства... Благодаря перспективам сбыта, при скудном и бедном ассигновании, силами художников удалось осуществить эту выставку... Исключительное внимание, которое проявляют к выставке представители японской прессы, показывает, что и рекламно-пропагандистская сторона также будет хорошо обставлена²⁰.

18 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 113–114.

19 Чтобы поставить точку в дискуссии о правильном названии выставки, необходимо сказать, что единого названия не было, имелось множество его вариантов. «Искусство новой России» или «Выставка искусства новой России» — название исключительно японское, в документах оно упоминается лишь в отношении одноименного каталога, выпущенного только в Японии, и единожды в статье Д. Е. Аркина в «Красной ниве» (1927. № 29. С. 18), где он также отмечал, что это японское название выставки. Во всех остальных случаях множество вариантов: «Выставка советского искусства» (Выставки советского изобразительного искусства (1917–1932): справочник), «Выставка изобразительного искусства Союза» (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 122. Л. 37 или ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 2), «Живопись и графика СССР» (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 73. Л. 45), «Выставка художников СССР» (Жизнь искусства. 1927. № 34. С. 10), «Выставка произведений художников СССР» (Советское искусство. 1927. № 4. С. 60), «Русская выставка» (Рапис. 1927. № 20. С. 19).

А. Е. Ходоров: Заслушанный доклад т. Аркина несомненно широко ставит и программу и большие вопросы, связанные с выставками... Мне кажется, из доклада мною вынесено такое впечатление, что точной грани между той ролью, которую должны играть наши организации на торговых и культурных выставках, в странах Запада и Востока, мне кажется, что точных граней этих ролей к сожалению еще нет... Но по Востоку я не уловил куда мы идем и с чем мы идем. Возьмем к примеру выставку в Японии. Производился ли подбор экспонатов в учете тех потребностей, какие предъявляет к нашим художественным произведениям современная Япония?.. Нам может быть надо, учитывая японские обычаи, делать соответствующий подбор наших произведений. С другой стороны, самая демонстрация произведений в Японии без популярной лекции, без концентрации общественного мнения не достигает желаемого эффекта. А тов. Аркин об этом ничего не сообщил²¹.

Отбор художников посредством комитета²² также имел несколько этапов, в ходе которых имена и произведения постоянно менялись. Основную группу художников составляли участники общества «Бытие», АХРР, «Маковец», «Жар-Цвет», ОСТ, «Четыре искусства». На одном из этапов были попытки добавить декораторов и сценических художников (Иванов, Федоров, Федоровский Ф. Ф., Волков Б. И., Рабинович И. М. и т. д.)²³. На январь 1927 года в ходе заседаний открыто признавалось, что многие художники дали крайне слабые работы, комитет настаивал на их замене²⁴. Во время одного из таких обсуждений Д. Е. Аркин обращал внимание коллег, что члены жюри невнимательны и нетребовательны к работам художников, поэтому в отбор попадают слабые работы, ухудшающие статус выставки²⁵. Также он отмечал, что среди

20 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 72. Л. 107–108.

21 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 72. Л. 113.

22 Комитет: М. М. Янковская (НКВД), Г. Рязжский (Всерабис), Д. Е. Аркин (ВОКС), Вальдман (Наркомтруда РСФСР), Попов (Центропосредрабис), А. А. Федоров-Давыдов (Наркомпрос РСФСР), Г. А. Сретенский (Общество «Бытие»), Чайнов («Четыре искусства»), С. В. Герасимов («Маковец»), П. В. Вильямс (ОСТ), П. П. Свиридов («Жар-Цвет»). Состав комитета менялся, при этом тот же Аркин в январе 1927 года подал заявление об освобождении его от председательства в комитете, тогда же упоминалось обсуждение о выборе Н. Н. Пунина в качестве сопровождающего выставки (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 93).

23 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 61.

24 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 99.

25 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 109.

3. Жюри советской выставки в Японии. 1927
Сидят (слева направо): т. Вальдман (Предс. Центропосредрабиса), г. Танака (японский посол), т. Каменева, т. Луначарский, т. Славинский (ЦК Рабиса);
стоят (слева направо): г. Ябэ, второй г. Миякава (секр. японск. пос.), четвертый т. Пунин и пятый т. Аркин.
Фотография из журнала: Жизнь искусства. 1927. № 13. С. 18

экспонатов отсутствует часть художников, которые наиболее ярко могли бы продемонстрировать искусство СССР²⁶. По мере составления списка художники делились на принятых «безусловно» (Альтман, Архипов, Грабарь, Герасимов, Древин, Кузнецов, Кустодиев, Машков, Фальк, Штеренберг и др.), принятых «условно» (Гринберг, Лучишкин, Осмеркин, Петров-Водкин, Серебрякова) и «непринятых» (Андерсен, Гончаров, Козочкин, Котов, Лебедев-Шуйский, Харламов, Чашников, Клюн, Нюрнберг)²⁷.

...выставочный комитет Центрального Президиума АХРР полагает, что в нем представители чисто эстетических группировок представлены непропорционально по сравнению с художниками, выявляющими в своих произведениях общественный момент в то время, как последние являются характерными для современного искусства СССР, как оно выявилось на выставках последних двух лет²⁸.

Обсуждение Японии как возможного рынка сбыта было продолжено и на последующих заседаниях, исходя из этих бесед, можно судить, что выставка, скорее, носила даже не идеологическо-культурный характер, а в первую очередь экономический²⁹. Д. П. Штеренберг в ходе обсуждения предлагал за основу японской выставки брать опыт 1-й и 2-й выставок в Германии, настаивая, как и К. Н. Истомина, на ретроспективной составляющей экспозиции. Ф. С. Богородский отмечал сдвиг в деле организации выставок, поскольку на примере Японии, по его мнению, активное участие принимали низовые ячейки, формируя экономическую цель, а затем культурно-политическую. При этом Штеренберг заявлял, что организация выставки в Японии ничем не отличается от предыдущих, для нее сделано мало, и не стоит рассчитывать на рынок сбыта в Японии. Его поддержал т. Ратин³⁰.

Цены на продажу живописи были заложены в диапазоне от 200 до 1200 рублей — среди наиболее дорогих художников: К. С. Петров-Водкин (до 1400), И. И. Машков (до 1500), Н. И. Альтман (до 1200), Р. Р. Фальк (до 1200), П. П. Кончаловский (до 5000), общей суммой в 78 600 рублей. Для графики³¹ цены были меньше, в диапазоне от 10 до 200 рублей — среди наиболее дорогих: Н. И. Альтман (2000 за серию «Ленин»), Е. Е. Лансере (300 за рисунок), К. С. Петров-Водкин (600 за ретроспективу акварельных работ), общей суммой в 16 486 рублей³².

26 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 110.

27 Среди списка «отмененных» (в 33 наименования) значится лишь один беспредметник, И. Клюн, не были допущены его работы «Беспредметные (зеленые)», «Сферическое (сизый)».

28 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 81.

29 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 6.

30 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 86–87.

31 Отдельно были включены в список и плакаты В. А. Стенберга (21 шт.) и Б. М. Кустодиева (4 шт.).

32 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 123–129.

4. Н. Н. Пунин и Д. Е. Аркин (слева)
на развеске выставки советского искусства
в Токио. 1927
РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 2. Д. 403. Л. 3

По предварительной смете предполагалось, что входная плата за выставку принесет 10 000 рублей, при минимуме посещаемости в 0,8 процента от 2 миллионов жителей Токио, 2 250 рублей принесет продажа иллюстрированных каталогов, а также 750 рублей продажа неиллюстрированных, из расчета 2 каталога на 7 человек³³. Расход, суммируя разные его статьи, предполагал 8 900 рублей. Другой план предполагал выставку в ряде городов — Токио, Иокогама, Киото, Кобе, Санномия, Кавасаки — общий доход в 61 500 рублей, планировалось,

что сумма будет поделена между художниками и Центропосредрабисом. На рекламную часть (афиши, вывески и плакаты, объявления в газетах, пригласительные и т. д.) было выделено 870 рублей. Сметы были составлены по опыту организации выставок в Москве и провинции, расценка произведена на основании цен (Германия, Франция, Италия), а расходы по Японии составлены на основе справочника, изданного Правлением японских государственных железных дорог в 1921 году. Таможенные расходы советской стороне не нужно было платить, поскольку ситуация была согласована с Министерством финансов, СССР брал на себя обязанность по вывозу работ после выставки в течение года, а также был избавлен от платы гарантий на вывоз³⁴.

Для отбора экспонатов для выставки в СССР прибыл Томоэ Ябэ³⁵ (представитель «Нитиро Гейзицу Киокай» и пролетарский художник) вместе с журналистом Курода. Далее в отборе работ участвовало жюри³⁶ во главе с А. В. Луначарским и японским послом Танака Токити³⁷. (Ил. 3.) Маршрут выставки менялся, поэтому в итоге она состоялась только в Токио, Осаке и Нагое³⁸. Мероприятие было организовано ВОКС вместе с ЯСЛХО, Японским посольством и газетой «Асахи», которая и предоставила свое экспозиционное помещение. На выставке было представлено порядка 137 картин и свыше 300 рисунков³⁹. К выставке был выпущен

33 В марте был сформирован бюджет этого мероприятия в размере 5000 рублей от Центрпосредрабиса и 2000 рублей от Наркомпроса в виде ссуды (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 59). Других сведений о бюджете выставки обнаружено не было.

34 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 13.

35 По отчетам заседаний видно, что он не принимал такого большого участия в обсуждении, присоединившись в феврале 1927 года. Ябэ, скорее, занимался информационной повесткой, распространяя новости о грядущей выставке в Японии, а также выступал в качестве одного из сопровождающих экспозиции и переводчика (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 1).

36 Члены жюри: японский посол г. Танака, О. Д. Каменева, Ю. М. Славинский, тов. Вальдман, г. Миакава, председатель А. В. Луначарский. Демонстрация работ — Н. Н. Пунин и Д. Е. Аркин.

37 РГАЛИ. Ф. 2606. Оп. 2. Ед. хр. 387. Л. 1.

38 В статье «Советское искусство — Японии» в журнале «Красная нива» (1927. № 14. С. 19) упоминается Дайрен. В бюллетене ВОКС (1927. № 15–16. С. 6) фигурирует Токио, Осака, Фукуока и «возможно Сеул», без Дайрена. В бюллетене ВОКС (1927. № 9–10. С. 26) указано, что в случае успеха выставки предполагается ее показ в Осаке и Кобе. Из документов известно, что выставку хотели показать в Харбине, но только при условии покрытия расходов со стороны железнодорожной компании (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 64.). Скользь обсуждалась возможность устроить выставку на пути в Японию, во Владивостоке, из сведений об экспозиционных возможностях местных площадок было мало и предложение сошло на нет (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 82).

39 Окончательный отбор произошел 4 марта 1927 года, а 24 работы были уже отправлены в Токио.

каталог со вступительными статьями Пунина о советской живописи и Аркина о народном искусстве. Каталог был сопровожден 125 иллюстрациями, на выставке также можно было приобрести открытки с репродукциями (25 наименований)⁴⁰. Присутствующие репортеры художественных изданий «Чуо-бийшитцу», «Ателье», «Какусай-сашин-джого», а также ряд других газет и журналов написали статьи-обзоры к открытию.

Выставку посещало примерно 500 человек в день⁴¹, в этом свою роль сыграло также лично присутствие Пунина и Аркина, на чьи выступления приходило свыше 1000 человек⁴². Цензура по большей части миновала выставку, были сняты лишь две работы от общего числа картин, представленных на выставке. В продолжение обсуждения взаимоотношений между советским и японским искусством осенью того же года был организован диспут о советском искусстве и литературе в Токио. Организовало данное мероприятие редакция журнала «Син-Цио» («Новое течение»), в обсуждении приняли участие деятели искусства, литературы, театра с советской и японской стороны.

Вопрос успешности выставки требует уточнения, поскольку образ выставки в документах и личных записях отличается от того, что печаталось в журнальных и газетных репортажах. Токийский показ во многом можно считать успешным, по крайней мере с точки зрения обсуждения и внимания, а не последующего влияния. Из писем Пунина:

Выставка, во всяком случае, имеет уже огромный идеологический успех. Почти не проходит дня, чтобы какая-либо из газет не писала по поводу этой выставки, или о нас, или вообще о русском искусстве. Нас приглашают, возят, показывают. <...> В Японии я очутился с выставкой русских художников. Выставка средняя, но для Японии имеет значение... Русские работы кажутся им сильными и оригинальными; здесь ведь был Бурлюк года три или больше тому назад, тоже имел известное влияние и оставил след [27, с. 283, 293].

40 Каталог и открытки были изданы за счет японской стороны, бесплатное посещение выставки было профинансировано газетой-организатором «Асахи» (Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 45).

41 Любопытно, что в одном из документов звучит следующая формулировка: «Посещаемость Советского Отдела была наибольшей из всех отделов, на которых, были выставлены экспонаты других стран». Однако совершенно неясно, о каких других странах идет речь, если это была выставка исключительно советского изобразительного искусства (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 45).

42 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 105.

5–7. Вход на выставку советского искусства в Токио. 1927

Фотографии (слева направо): из книги: Пунин Н. Мир светел любовью [27]; из журнала: Красная нива. 1927. № 29. С. 18; из журнала: Жизнь искусства [25, с. 59]

Обратим внимание на разницу данных фотографий. Среднее и правое изображения были опубликованы в периодических изданиях, фотографии одни и те же, но видно, что где-то были дописаны подписи на русском языке, которых изначально не было. Фотография Пунина, несмотря на указывающие детали (та же входная группа, двери, похожие девушки), отличается табличкой над дверью с названием выставки, а также виден декор стен, вместо просто белых на последующих фото. Фотографию Пунина стоит считать наиболее достоверной

Однако в советской периодике того времени у Пунина имелся всего лишь один опубликованный материал, связанный с выставкой, в то время как у Аркина их в разы больше. Пунин в большей степени касался художественных моментов и вопросов организации выставки, Аркин же предпочитал более триумфально-торжественный тон: успех выставки не оспаривается и считается данностью.

Весна и лето этого года могут быть названы настоящим «русским сезоном» в главнейших городах Японии. Советское искусство — в центре внимания японской общественности и художественных кругов [2, с. 7].

8–9. Посетители на выставке советского искусства в Токио. 1927
Фотографии из журнала:
Информационный бюллетень ВОКС.
1927. № 22. С. 1 (обложка) и 8

Кроме того, если проанализировать газетные и журнальные статьи, вышедшие в тот период за авторством Аркина⁴³, то очевидно, что он занимался самоповторами:

И перед молодой Японией все настойчивее и настойчивее встает вопрос о дальнейшем пути, — и в поисках этого пути все определеннее звучат ноты разочарования в образцах культуры современной Европы и Америки: и все чаще взоры передовой японской интеллигенции обращаются к тому очагу новой культуры, который горит иным, отличным от Запада огнем, — к творчеству Советской России... [3, с.4].

Передовая японская общественность начинает разочаровываться в этом крайнем западничестве именно потому, что культура

современной Европы перестает казаться ей таким уже бесспорным образцом для подражания. Совершенно естественно взоры этих передовых общественных групп обращаются к тому очагу новой культуры, который горит свои собственным, иным, нежели Запад — огнем: к культуре сегодняшней России... [1, с. 57].

Аркин также писал про успех выставки во всех трех городах, хотя никаких особых свидетельств и доводов в отношении этого, кроме активного пересказа событийной программы в Токио, не имелось.

О том, как прошла эта выставка в трех крупнейших городах — Токио, Осаке и Нагойе, — какие проявления симпатии к культурному строительству СССР она вызвала, — писалось достаточно много в нашей прессе. Отмечу лишь, что передовые художественные круги усмотрели в советской живописи известный противовес французскому живописному влиянию, до сих пор безраздельно господствовавшему в молодой японской живописи [3, с. 4].

Иначе — в письмах Н. Н. Пунина, который вкратце сообщал о делах выставки в Осаке и Нагое:

Выставка в Осаке протекала тихо, без особенной рекламы и без торжеств. Наступал период дождей (нюбай), влага насыщала все и проникала всюду; трудно было ходить и дышать. Начался летний раз'езд [26, с. 10].

Сегодня уезжаю в Осаку, чтобы закрыть там не имеющую особого успеха выставку и перевезти ее в Нагойю [27, с. 291].

Трудно говорить об успехе выставки в Нагойи; за пять дней ее посетило около 3.000 человек, но ярлыки с обозначением авторов

43 Доклад Аркина «Современная японская живопись» обсуждался на заседании под-секции современного искусства секции пространственных искусств ГАХН от мая 1928 года (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 3. Д. 104. Л. 60–60 об.). Аркину было задано много вопросов по причине того, что современное искусство не было проанализировано должным образом, поскольку Аркин в своих рассуждениях не двигался дальше противостояния западного и национального в японском искусстве, излишне и обще употреблял термин «декоративный» по отношению к художникам, а также, как отмечал один из участников обсуждения, игнорировал живописное развитие в японском искусстве. Среди высказывавшихся были Н. В. Яворская, П. Д. Эттингер, К. А. Зеленина, В. А. Сидорова, А. И. Аристова.

и названий были приклеены прямо на стекла поверх рисунков, и так висели все время выставки, несмотря на мои протесты. Это обстоятельство не мешало, очевидно, нагойцам оценить русское искусство [26, с. 10].

Позицию Аркина, подобную этой: «...надо ожидать далее, что и в нашей художественной среде оживится интерес к почти неведомому нам большому искусству нашего дальневосточного соседа, — искусству, столь ошибочно заслоненному от нас диктатурой западных влияний и уроков...» [1, с. 62], — разделяли лишь некоторые пролетарские художники, включая того же Томоэ Ябэ и Окамото Токи, которые занимали в целом схожую позицию, проникаясь идеологическими устремлениями, граничащими с наивным чувством и одновременным желанием организовать свою художественную жизнь в СССР. Окамото Токи в бюллетене ВОКС писал следующее:

Советские художники не знают расхождений между искусством и жизнью и бытом своего народа. Это говорит за то, что в их стране силы политические и общественные объединены в одном стремлении... Художественный мир Японии, застоявшийся на одном месте, с этого времени, поняв огромное значение и высокий смысл показанной нам выставки, возможно, что изменит свой курс и пойдет по новому пути [23, с. 22].

Если обратиться к документальной составляющей, то можно обнаружить раздор между московским ВОКС и Е. Г. Спальвиным, а также узнать о финансовом неуспехе выставки:

Что касается «материального провала», мы не собирались взвалить вину на вас, т. к. во многом виноват финансовый кризис Японии. Но договор с «Асахи» был заключен с вами неудачно. Как показывает выставка в Нагоя, в организации которой вы не принимали участие, там посещаемость была выше, чем в Осака, и материальный эффект значительно больше. Ваше собственное признание, что Асахи потерпело убытку всего 160 иен, указывает на то, что Асахи заплатило мало за колоссальную рекламу, которую мы ей делали выставкой. Вы не сумели настоять на печатании альбома, когда частные торговцы нашли возможным пойти на риск их издать⁴⁴.

Отдельно отмечалось, что Е. Г. Спальвин не отвечал на телеграммы ВОКС и тем самым дезориентировал организацию выставки, усугубив это ухудшением отношений с членами Нитиро:

Вам суровый упрек, что не поладив с некоторыми членами Нитиро, вы послали зашифрованную телеграмму в несколько сот слов, только чтоб обругать лиц, возбудивших ваше недовольство, бросив на них нелепые и необоснованные обвинения, чем и сорвали дело выставки, которая по вашему признанию имела «моральный» успех. Мы до сих пор не выяснили вашего странного поведения перед открытием выставки...

Конфликты Е. Г. Спальвина и представителей московского отделения ВОКСа можно считать регулярными, к примеру, в связи с выставкой 1927 года, его упрекали и в «беспольности», поскольку обстоятельства организации принимали характер «вечной невыясненности», что привело к материальному провалу выставки. Критиковался и его личный подход к делу:

По поводу нашего участия в детской выставке, вы пишете: «Меня пробирает злоба, когда думаю, что, несмотря на такое отношение к моей деятельности, все-таки опять я на этот раз увлекаюсь и т. д.». Отношение к вашей деятельности всегда было исключительно признательное, о чем свидетельствуют вся наша с вами переписка, но мы не раз подчеркивали, что вы оказывали нашему делу серьезные услуги. Мы не станем вам описывать какие чувства пробивают нас, когда мы теперь читаем ваши строки, продиктованные абсолютным непониманием объективного положения средств нашего общества.

Из-за невыясненной ситуации, касающейся какой-то поездки в Маньчжурию, насколько можно судить из документа, Е. Г. Спальвин⁴⁵ хотел подать в отставку и освободиться от обязанностей:

44 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 113–114.

45 Отдельно замечу, что упоминается перевод Е. Г. Спальвина пьесы Акита Удзюку, отвергнутый советскими журналами, а также стихи самого полпреда, которые он передал через Б. Пильняка в Москву.

Что касается вашей надежды освободиться от представительства ВОКС, то позвольте вам сказать, что мы слишком дорожим нашим делом, чтобы навязывать кому бы то ни было такую ответственную и почетную работу, как представительство нашего общества. Нам трудно, однако, понять и оценить тот тон, которым вы считаете возможным говорить с общественной организацией, которая вам доверила свои серьезнейшие интересы и не раз благодарила за бескорыстную работу, которую она, к сожалению, была не в состоянии компенсировать материально. В заключение мы хотели бы вам напомнить, что в вашей общей работе по Японии имеются серьезнейшие достижения, которыми мы в значительной степени обязаны вам, и которыми ни каждый уполномоченный ВОКС мог бы похвалиться... Если несмотря на наши объяснения вы продолжите настаивать на своей отставке, то мы просим вас предварительно согласовать этот серьезный вопрос с товарищем Довгалеvским и сообщить нам о намеченных вами кандидатурах, что даст нам возможность приступить к практическому решению этой задачи⁴⁶.

С июля по август 1927 года в нескольких городах Японии проходила Международная выставка-неделя детского рисунка, где советская сторона также приняла участие, отправив 1000 работ советских детей [7, с. 12]. Предложение поучаствовать в ней поступило со стороны ЯСО и ЯСЛХО⁴⁷, по результатам были собраны рисунки детей (школьного и дошкольного возрастов) из Москвы, Ленинграда и ряда республик, планировалось отправить их в конце мая, к началу выставки⁴⁸. Позже география школ уточнялась следующим образом: Москва, Татарская республика, Поволжье, Ленинград, Харьков⁴⁹. После проведения выставки и отчета г. Новомирского в ВОКС было принято решение о обязательном учете деятельности детских учреждений нацменьшинств⁵⁰.

Третье большое выступление — было в Японии с организацией советского отдела на Международной выставке «недели детского

46 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 88. Л. 113–114.

47 С 1927 года ЯРЛХО стало Японо-советским литературно-художественным обществом (ЯСЛХО).

48 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 16.

49 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 67.

50 ГА РФ. 5283. Оп. 11. Д. 72. Л. 117.

творчества». На этой выставке участвовали 15 разных стран Европы и Азии. Выставка эта была подобрана нами с большой тщательностью, и привлечены были к участию сотни школ РСФСР, Украины, Белоруссии, Закавказья, Туркменистана, Узбекистана и даже отдельных автономных республик. Ввиду большого интереса устроителей выставки к нашему отделу, связанному с богатством материала в отношении советской тематики и художественного творчества детей, была организована отдельно неделя японских и советских работ в нескольких городах Японии⁵¹.

Послано около 1000 шт. работ детей школьного и дошкольного возраста. Несмотря на то, что наш отдел немного запоздал к сроку, организаторы выставки, придавая ему большое значение, предоставили специальную неделю и перебросили наш отдел в другие города... Устроители выставки и местная пресса отметили, что единственно в работах детей СССР имеются самостоятельные работы акварелью⁵².

Участие в этой выставке было основано на другом предложении, которое возникло по идее виконта Гото Симпэй, предложившего ранее провести в Осаке выставку, которая бы рассказывала о физическом и умственном воспитании детей в СССР и художественном развитии ребенка и его творчестве⁵³. Участников с советской стороны предполагалось множество — А. В. Бакушинский, который в будущем примет детскую японскую выставку в СССР, Совкино, Музей Игрушки, Кустарный музей, Отдел Охраны Материнства и Младенчества Наркомздрава, ленинградский ТЮЗ, комиссия ГАХН по изучению примитивного искусства и детского творчества, журналы «Мурзилка» и «Искорка» и др., до 40 участников. По какой-то причине этот проект не дошел до реализации, а точнее, детское творчество попало на Международную выставку-неделю (1927), а идея по устройству выставки на тему воспитания детей нашла частичное воплощение на выставках в Кобе (1929) и Токио (1932).

Загадкой становится некогда засекреченная переписка Е. Г. Спальви-на и О. Д. Каменевой по поводу журналиста Итиудзи и художника Ябэ⁵⁴.

51 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 73. Л. 11–19.

52 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 46.

53 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 175.

54 Выражаю свою искреннюю благодарность Андрею Ефицу, который обнаружил этот документ в РГАНИ и незамедлительно поделился со мной этой находкой.

В письме обсуждался вопрос выставки, которую хотели организовать в Японии для советской стороны. Но в связи с этим возникает вопрос — почему документ отделился от подобных им в ГА РФ и про какую именно выставку идет речь. Исходя из даты, это не был показ советского искусства летом 1927 года, а нечто последовавшее за ним.

Каменевой. Узнал отчасти от Итиудзи о телеграфной переписке с ним Ябе по вопросу о картинной выставке. Имею копии довольно сумбурных телеграмм Ябе от первого, 2 от третьего, девятого, одиннадцатого февраля. Поражен содержанием этих телеграмм и гарантией какого-то посла берущего на себя железную дорогу и т.д. Повторяю, что комитет Итиудзи не существует, равным образом связи Итиудзи с Гото тоже не существует, это подтвердили сам Итиудзи и секретарь Гото. У Итиудзи нет ни места для выставки, ни гарантии пошлины, ни организации поддерживающей выставку. Без лица и организации приемлемых для нас и японских властей во всех отношениях общественном, моральном, имущественном, нет никакой возможности начать какие бы то ни было официальные сношения, потому что ссылаться на Гейдзюцу и компанию тем более Итиудзи нельзя. Я думал, что после моих телеграмм Вы меня освободите от сотрудничества с неизвестными безответственными лицами, однако против ожидания дело перешло исключительно в руки компании Ябе Итиудзи, что лишает возможности иметь дело с представителями японского общества и властей и рассчитывать на поддержку их. Итиудзи выдавал себя в Москве за этнолога-египтолога мне он вручил визитную карточку, что он корреспондент «Асахи» однако по справке «Асахи» он самозванец даже Гейдзюцу не знает кто он такой. Если вы выставку с картинами стоимостью двести тысяч доверяете и поручаете этим здесь никому неизвестным лицам то это Ваше дело, однако я Вам в таком случае не гарантирую даже сохранности картин, не говоря о том, что я себя снимаю всякую вообще ответственность. Спальвин. 15–11–27 г. Полпред⁵⁵.

55 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 35. Д. 50. Л. 1. Орфография и пунктуация приведены в соответствии с найденной расшифровкой письма. Под художником «Ябе» имеется ввиду Томоэ Ябэ, который ранее помогал с советской выставкой в 1927 году и приезжал лично в СССР. «Гото» — Гото Симпэй, президент Японо-советского общества.

1928 год

В мае 1928 года советские фотографы были приглашены к участию во 2-м Международном фотосалоне в Токио⁵⁶. Известно, что 90 процентов работ прошли комиссию жюри⁵⁷. О мероприятии имеется лишь небольшой комментарий: в журнале «Пролетарское фото» без указания источника приводилась следующая цитата о выступлении фотографов на салоне:

Так, отзыв о советских фотографиях (Штеренберг, Андреев, Миловидов, Ярославцев) на международной фотовыставке в Японии отмечает, что «советское фото привлекло всеобщее внимание, главным образом, трактовкой световых эффектов». Надо думать, что эта трактовка произведет своего рода революцию в японских фотобительских кругах и даст много полезного специалистам [6, с. 38].

Выставка экономического (коммерческого) образования СССР пригласила на август 1928 года, о ней известно лишь то, что она «в сжатой форме знакомит наглядно с постановкой дела коммерческого образования в СССР. Показана работа отдельных техникумов и институтов, постановка профессионального образования и т. д.»⁵⁸. В отношении этой выставки предполагалось, что поскольку она будет проведена в маленьком провинциальном городке, то экспонаты затем перейдут в собственность ВОКС для дальнейшего использования⁵⁹.

1929 год

В мае 1929 года советская сторона приняла участие в 3-й Международной выставке фотографий; всего от СССР было представлено 47 фотографий. Проблемы на этот раз возникли с переводом названий работ, о чем можно узнать из отчета Е. Г. Спальвина:

Комитет выставки мучался над выяснением заголовков советских фото, которые были даны, по-видимому, на английском языке

56 М. П. Миловидова и Г. П. Еремина для участия в выставке предложил Д. Е. Аркин (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 10).

57 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 73. Л. 24.

58 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 73. Л. 25.

59 ГА РФ. 5283. Оп. 11. Д. 72. Л. 40.

10. Советская киновыставка в Японии. 1929
Фотография из газеты: Литературная газета. 1929. № 19. С. 2

по словарю Александрова, как я в том убедился по проверке тех слов, над которыми здесь бились. В особенности бились над английским словом, которым переведено слово «лыжи», и гадали, не есть ли это особое приспособление в виде широкой подошвы, подвязываемой советскими крестьянами под обычную обувь, чтобы ходить по рыхлому снегу и т. д. ... Фото, изображающие сани в снежном ландшафте под тем же названием, под каким он, как говорят поступил, хотя никак нельзя уяснить себе, почему он называется «Учительницей»/№ 3 по каталогу⁶⁰. То есть разница между подписями авторов, выполненными на современном английском языке, и этикеткой, что была переведена по старому словарю. Цена советских фотографий была в диапазоне от 18 до 67 иен (со средней в 45 иен), германские от 18 до 90 иен, американские до 115 иен, самыми дорогими были латвийские, доходившие до 223 иен⁶¹.

Выставка вырезок из японских газет состоялась в Токио в мае 1929 года [5, с. 133–134]. Затея Е. Г. Спальвина привлекла к себе большое внимание, порядка 60 человек явилось на открытие в помещении

советского полпредства⁶². Интерес был не только у приглашенных гостей, но и у прессы, корреспонденты нескольких газет («Дзи-дзи», «Ници-Ници», «Асахи», «Иомиури») посетили выставку и засняли экспозицию. В основу выставки легли объявления, в которых были использованы детские мотивы, экспозиция основывалась на личной коллекции Спальвина, которую он начал собирать, совмещая газетные вырезки с иллюстрациями на разные темы, а затем сконцентрировав свое внимание на детских сюжетах⁶³.

Советскую киновыставку (в Японии она получила название «Выставка европейского кино»), проходившую в Токио с 27 по 29 июня, также постигла череда непродуманных действий и отсутствие организационного подхода. Из документов следует, что на таможне задержали ряд кинолент, присланных Торгпредством, по причине того, что они не были процензурированы, согласно требованиям таможни, из-за этого копился долг за их хранение. Е. Г. Спальвин писал следующее:

Я крайне недоволен тем, что не удалось провести фильмы на эту выставку или по крайней мере, на специализированный вечер в связи с этой выставкой, в котором участвовали бы все члены общества по изучению кинематографического дела Восточной Японии и почти все прокатные кино конторы в Токио и ближайших окрестностях⁶⁴.

Нарушение коммуникации между Москвой и Токио в очередной раз привело к стычке О. Д. Каменево и Е. Г. Спальвина. Председатель

60 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 15.

61 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 16.

62 В статье К. Г. Маранджян «Коллекция Е. Г. Спальвина в собрании ИВР РАН» автор упоминает, что Спальвин также принимал участие в выставке политического плаката: «К примеру, два неатрибутируемых политических плаката — лубка начала XX в., скорее всего также из собрания ученого — не только потому, что он был заядлым лекционером, но и потому, что при его участии проходила в Японии выставка политического плаката» [20, с. 95]. Маранджян ссылается на публикацию М. Икута «Спальвин в Японии». В публикации Икута данной информации автором этой статьи не было обнаружено, только весьма косвенное упоминание плаката: «Он много раз устраивал в Японии выставки, представлял советское искусство, материалы о воспитании детей, о коммерческом образовании в Советском Союзе, книги, плакаты, фотографии» [16, с. 32]. Упоминание о плакатной выставке и наличии трех плакатов в коллекции Спальвина есть в документах за 1931 год (см. далее по тексту), но конкретно выставки политического плаката не обнаружено.

63 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 3–4.

64 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 49.

интересовалась возможностью дослать дополнительные материалы к выставке и хотела узнать даты ее открытия, хотя к тому моменту мероприятие было завершено, о чем ей, в привычной для себя манере, сообщает Е. Г. Спальвин: «Отвечаю на эту телеграмму письмом ввиду того, что выставка уже закрылась и, следовательно, с ответом особенно спешить не приходится»⁶⁵. Справедливости ради стоит заметить, что в этом же письме Спальвин отмечал, что уведомял О. Д. Каменеву о закрытии выставки.

Выставка разместилась на пятом этаже здания редакции газеты «Асахи», где в свое время демонстрировалась советская живопись в 1927 году. (Ил. 10.) Спальвин отмечал, что по своему объему текущая экспозиция не уступала выставке живописи. Были представлены в основном советские киноэкспонаты, а также по два-три «номера» от других стран, вход на выставку украшал «колоссальных размеров» плакат Ленина с простертой рукой. Отдельное внимание уделялось показам кино — Спальвин говорил о двух кинолентах, но не уточнял их названия. Цензура почти не коснулась выставки, лишь в первый день полиция сняла с экспонирования фотографию митинга после смерти Ленина. Вход на выставку был бесплатным, фотографии экспозиции планировалось опубликовать в журнале «Асахи Граф». В дальнейшем предполагалось, что выставка будет повторена в Киото, но без уточнений даты. Спальвин писал о том, что гипотетически можно обсудить дополнительные материалы для выставки, если она подтвердится⁶⁶.

В июле 1929 года в Кобе проходила выставка, посвященная детству и дошкольному воспитанию. Советская сторона, как уже говорилось выше, старалась организовать нечто соответствующее этой теме, но прежде ей это не удавалось сделать в нужном объеме и в установленные сроки. Попытка поучаствовать на выставке в Кобе оказалось провальной, изначально на выставку планировали отправить материалы по охране материнства и младенчества, а также фотографии, которые бы отвечали этой теме. Позднее стало известно о невозможности принять участие в этой выставке из-за подобной в Женеве, но каким-то образом кинофильм «Ясли» был выслан в Японию, что вызвало цепочку неблагоприятных последствий⁶⁷. Сама же выставка проходила в кругу

65 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 48.

66 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 48–50.

67 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 39–40.

специалистов по детскому воспитанию, сотрудники ВОКС в Японии попасть на нее из-за недостатка времени не смогли, хотя сама выставка, по их словам, вызвала интерес у ее посетителей⁶⁸.

*Кино-фильм «Ясли» пришел через несколько дней после выставки и оказался уже абсолютно бесполезным... Поскольку г-жей Акана фильм использован быть не мог, с нее нечего думать получить какую-либо оплату. Консульство, как вам хорошо известно, никаких сумм на такие случаи не имеет. Ввиду этого, мы, конечно, не сможем взять на себя расходы по доставке фильма раньше ноября...*⁶⁹

Вдобавок, этот фильм не был просчитан по смете с учетом цензурирования и оплаты таможенных пошлин, об этом также писал Спальвин:

*Все дело сводится как будто к одному сплошному недоразумению, угрожающему материальными убытками, у детского сада и его директрисы навряд ли найдутся деньги, чтобы заплатить за пересылку фильма из Берлина, 168 марок, да еще и за цензурирование не меньше 83 иен и таможен. пошл. не меньше 53 иен... Я вообще сомневаюсь, чтобы где-нибудь на земном шаре возможно было найти учебное заведение, тем более детский сад, которое располагало бы средствами для украшения своей т. н. «выставки» заграничными платными экспонатами, а тем более в Японии. По-видимому во всем этом деле имеется какое-то обоюдное недоразумение и полное непонимание самых элементарных житейских условий*⁷⁰.

В октябре 1929 была организована выставка, посвященная 25-летию со дня смерти А. П. Чехова, вновь при поддержке газеты «Асахи». В основу экспозиции легла подборка различной периодики и 84 фотоснимка⁷¹. Выставка, согласно бюллетеню ВОКС, собрала положительные отзывы, множество газет отправило своих корреспондентов на открытие, а также была устроена широкая программа мероприятий, включая читку пьес.

68 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 63.

69 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 63.

70 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 51.

71 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 75.

11. Фотографии выставки «Туризм и спорт». 1929

Ил. из журнала: Физкультура и спорт. 1930. № 13. С. 11

На входе в помещения, в которых состоялись Чеховские вечера, была устроена выставка Чехова, с фотографиями, полученными от ВОКС и Музея Чехова в Ялте, а также новейшие советские издания Чехова, полное собрание сочинений Чехова на русском, украинском, польском и японском языках. Посетители были обескуражены той заботой и интересом советской общественности к творчеству и памяти Чехова, несмотря на тот факт, что этот писатель далек от господствующего политического духа Советского Союза. Несмотря на проливной дождь, около 800 человек пришли на вечер... Было бы неверно предположить, что этот интерес к Чехову явление

исключительное для Японии. Его стоит рассматривать как часть огромного интереса к Советскому Союзу, как источнику новой, социалистической культуры [34, с. 116–117; пер. с англ. автора].

Декабрь 1929 года отметился выставкой «Спорт и туризм», носившей смешанный характер: на ней была представлена литература, посвященная спорту (126 книг), фотомонтаж (29 шт.) и печатные плакаты (30 шт.)⁷², дополнительно были присланы проспекты «Интуриста» для раздачи на выставке. К выставке также были высланы 16 фотографий Кавказа (серия «Сердце Кавказа») и 10 фотографий из серии «Туркестан» А. П. Штеренберга, они должны были войти в экспозицию уже после открытия выставки⁷³. Позже имелся документ-заявление А. П. Штеренберга, в котором он требовал возмещения убытков, поскольку 26 работ, посланных на выставку, пропали по вине «Интуриста»⁷⁴, его просьба была удовлетворена⁷⁵. В феврале 1930 года выставка отправилась в Осаку и Сендай. В документах отмечалось, что выставка пользовалась исключительным успехом, благодаря чему ее посещаемость выразилась в цифре 45 000 человек за две недели⁷⁶. (Ил. 11.)

Но Е. Г. Спальвин ставил под сомнение данные о посещаемости выставки в Осаке (1000 в посредственные дни, 2200 в хорошие) и в Токио (45000). Дело в том, что в Осаке она проходила в помещении филиала компании «Джапан Турист Бюро», поэтому он утверждал, что офис компании посещали все и по всевозможным вопросам, выставка была второстепенным элементом. То же он говорил и про статью В. Мильмана в журнале «Физкультура и спорт», где автор, по его мнению, допустил ряд недосмотров и искажений [22, с. 11]. Выставка проходила в универмаге, поэтому статистика посещений касалась не одной выставки, а всего универмага за две недели ее проведения. Вдобавок Спальвин

72 В том числе Ю. Пименова и Г. Клуциса (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 40).

73 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 52. Л. 115–119.

74 Поиск работ после выставки, как можно судить по документам, был долгим. Сначала претензии предъявлялись тов. Минину, представителю Интуриста, поскольку именно ему был передан ящик с экспонатами. В феврале 1931-го, спустя больше года, были проверены склады Интуриста, но и там ничего не было найдено. Даже представитель японских железных дорог, господин Миябэ, как организатор выставки, был также вменшан в ситуацию, но в своем письме утверждал, что сразу после окончания мероприятия ящик был передан тов. Минину. После февраля 1931 года след теряется, более в документах розыскные мероприятия не упоминаются (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 36, 44).

75 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 319. Л. 300.

76 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 23.

писал, что Мильман ошибался и в характере выставки: привлекали посетителей не «отвлеченные вещи и идеи за ними», а именно коммерческий характер, поскольку в универмаг приходят за товарами. Проблема проведения этой выставки заключалась и в том, что она легла на экономический кризис и большинству универмагов было выгоднее, по мнению Спальвина, показывать более сильные и привлекательные, с экономической стороны, мероприятия, нежели спортивную выставку⁷⁷.

Вообще мне кажется, что ВОКС по-прежнему придает слову «Выставка» слишком глубокое значение, в смысле японского хакураанкай. Обыкновенно же здесь речь идет только о тенранкай... Мильман пишет только о рекламно-коммерческой постановке, но не замечает, что фигурировали манекены женские и при том иностранные, что имело целью пропаганду физического развития женщин... Отвлеченного здесь не понимают или им не интересуются. Знать — значит делать, это служит девизом. Поэтому привлекают массовые ножи, а не способы тренировки⁷⁸.

В статье В. Мильмана, посвященной Второй выставке пролетарского творчества, прошедшей в Токио в 1929 году, в журнале «Искусство в массы» упоминалось, что в ней участвовали и советские художники: «На выставке представлена 181 работа. Сюда входят живопись и скульптура, карикатура и плакат; кроме того, 21 произведение советских художников» [21, с. 3]. Находится этому подтверждение в документах, на выставке были показаны работы И. И. Машкова и П. П. Кончаловского⁷⁹. Мероприятие упоминается и в отчете Е. Г. Спальвина, где он комментировал качество японских работ, «не на высоте», но отмечал некоторый тематический интерес экспозиции.

1930 год

Весной 1930 года от газеты «Асахи» поступило предложение принять участие в устройстве двухнедельной выставки советской кустарной промышленности. Предполагалось, что СССР получит уже знакомые экспозиционные площади для демонстрации 2000 предметов. Выставка

77 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 107.

78 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 102–103.

79 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 85–86.

имела бы бесплатный вход, а единственным условием «Асахи» было получение 30 процентов дохода от продажи изделий⁸⁰. Е. Г. Спальвин в своем письме Ф. Н. Петрову от января 1928 года писал, что торгпредство не испытывало сильного желания участвовать в этой выставке, поскольку оно смущено расходами на ее организацию и необходимостью, в случае продажи работ, платить 30 процентов «Асахи». Сама идея им отчасти казалась привлекательной, в том числе и с возможной конвертацией кустарной выставки в промышленную⁸¹. Спальвин, со своей стороны, предполагал, что выставка при уточнении условий могла бы иметь моральный и материальный успех, сопутствующий внедрению новых товаров, расширению представлений о «кустарном»⁸². Впоследствии Всесоюзная Западная торговая палата приняла решение расширить концепцию выставки и участвовать на одной из крупных японских выставок путем устройства самостоятельного павильона, взяв на себя все обязанности⁸³. Таким образом, предложение газеты «Асахи» после длительного времени было отвергнуто.

Ряд заинтересованных организаций в Японии предлагал СССР участвовать в выставке радио, которая планировалась весной 1930 года, но ВОКС отказалось, поскольку сроки были ограниченными, а также предполагалось, что за помещение придется платить, что удивляло А. Ешукова, заведующего отделом выставок, поскольку ранее все помещения предоставлялись бесплатно⁸⁴.

На советскую киновыставку того же года имелись большие планы (два показа в Токио, Нагое, Осаке, Киото, Кобе, Фукуоке, Сендай, Ниигате), но и этому находились препятствия, о них писал Е. Г. Спальвин:

Выполнение этого плана стоит перед маленьким «но» и «однако». Выставка состоит по большей части из плакатов, отпечатанных на такой плохой бумаге, что плакаты уже у Итоя начали крошиться. Для То:кй:до: [книжное контрагентство, где проводилась выставка] их начали чинить и подклеивать под ними бумаги. Под большим вопросом, выдержит ли бумага намеченный рейс...

80 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 123.

81 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 124.

82 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 128.

83 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 132.

84 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 92.

Рядом с американскими и японскими/под амфасон/плакатами наши бросаются в глаза своей художественностью, но весь эффект портится бумагой, на которой даже краски линяют, не говоря уже о том, что даже в неподвижном состоянии она крошится и превращается в труху... Фукуро⁸⁵ крайне озабочен короткой жизнью этих плакатов, и усердно занимается починкой. Но заплатанная вещь не вечная, не говоря уже о непривлекательности. В археологии это может быть по другому, но в кино навряд ли. Ведь, по словам Фукуро, Потемкин в настоящее время уже не представляет собою ничего интересного. Темп кино быстрее темпа жизни⁸⁶.

1931 год

На 1931 год планировался показ фотографии на тему «Советской химпромышленности» в рамках выставки химической промышленности в Токио, но состоялся он или нет, неизвестно. Организацией выставки должен был заниматься Культурно-просветительский сектор МИИХ, чьи сотрудники направили в ВОКС обращение, в котором ссылались на то, что у них нет достаточного опыта в вопросах организации выставок и создания этикеток, но они хотели бы получить консультацию⁸⁷.

В феврале 1931 года Е. Г. Спальвин был возмущен проведением выставки «Плакаты новой России», которую делало агентство новостей «Росиа-Цусинся» в Токио, и последующим распространением открыток с изображением плакатов с выставки, о чем он сообщил заведующему отделом выставок ВОКС А. Ешукову. Реакция Ешукова была сдержанной, он пытался понять, в чем заключалось антисоветское высказывание, откуда японцы получили материал для выставки плакатов и в каком количестве эти открытки распространялись. В связи с этим он также предлагал возобновить организацию плакатных выставок в Японии с советской стороны⁸⁸. По мнению Ешукова, японцы, несмотря на упомянутый антисоветский характер, делают агитрабату и им можно было дополнительно высылать какие-нибудь вспомогательные материалы, поскольку их деятельность показывала сильный интерес в Японии ко всему советскому⁸⁹.

85 Иппэй Фукуро — японский переводчик и кинокритик.

86 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 151–152.

87 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 102. Л. 1.

88 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 60.

89 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 64.

В марте 1931 года СССР предложили участвовать в Международной выставке торговых плакатов и торговой рекламы в Осаке, организатором выступала газета «Осака Майнити», выставка должна была пройти в мае. Особенно способствовали этому журналист Х. Баба и профессор Нисимура, именно они предложили Е. Г. Спальвину предоставить образчики плакатов и рекламы для выставки. В своих записях Спальвин говорил о том, что было бы желательно включить и журналы, занимающиеся изучением рекламы, аранжировкой товаров в магазинах и подобным.

Упомянул Спальвин и то, что один из японских журналистов уже устраивал выставку плакатов из закрытого собрания, посвященного пятилетке, снабдив их переводами. Некоторые из тех, кто видел экспонаты, посчитали эти работы «красной пропагандой». Говорил он и о том, что у японцев достаточно советских плакатов и они сами могли бы устраивать выставки, поэтому его удивляло, что советская сторона так вяло реагирует на предложение об участии. Сам он вспоминал свой опыт организации выставки плаката, где, по его словам, было продемонстрировано три работы из его собственной коллекции, а также 120 других, добытых им в Токио. Большую заинтересованность он проявлял к объявлениям с рисунками и этикетками, в ответах ВОКС он писал, что ему необходим материал, связанный с «наукой рекламы», а не киноплакаты⁹⁰.

Советской стороной был подготовлен список экспонатов⁹¹, но в результате их было прислано мало. Причиной этому стало само приглашение к участию, которое пришло в марте, советская сторона не успевала предоставить свою часть экспозиции в нужном объеме, объяснялось это «чисто внешним затруднением»⁹² и тем, что большая часть рекламы находилась в печати⁹³. А. Ешуков настаивал на том, чтобы о подобного рода инициативах становилось известно заранее, а лучше всего за полгода до проведения мероприятия. По сообщению Х. Баба, экспонаты пользовались успехом, а фотографии с выставки были высланы в московский ВОКС⁹⁴.

90 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 31.

91 К примеру: плакат «Охота», плакат «Транссибирская железная дорога», плакат минеральной воды «Нарзан», плакат конфет «Ирис», плакат «Керосин», плакат «Свежие фрукты», плакат «Шофер с шиной», плакат «Сигареты», этикетки варенья и т. д. (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 28).

92 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 26.

93 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 28.

94 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 23.

В апреле 1931 года Е. Г. Спальвин в компании М. Г. Галковича, первого секретаря полпредства СССР в Токио, посетил Международную пролетарскую педагогическую выставку, что организовывал ряд пролетарских организаций в Японии. Об этом событии сохранилась запись:

На покойницей ЯСЛХО мы с т. Галковичем вчера же поехали на Международную Пролетарскую Педагогическую Выставку, куда я имел официальное приглашение. Посмотревши лично выставку, я тут же предложил им восполнить материал, в связи с чем один из организаторов поехал с нами в полпредство, где я ему вручил почти такую же по объему выставку, какую они имеют там у себя. Я ничего не навязывал, а давал полную возможность отбирать самому. Когда было упаковано, он сказал, беря на руки, — тяжело. Разница между этим представителем и посетившим меня несколько дней тому назад, как и между словами того первого посетителя и самой выставкой, как между самой отвлеченной теорией, витающей за облаками и примитивной практикой, наслаждающейся молодой жизнью... Однако, несмотря на такое положение вещей, представляется вполне возможным, например от имени ВОКС/как я то и делал/или от имени какого-нибудь известного деятеля/напр. покойный граф Гото/собрать без особого труда самый богатый материал, изучать который потом приходят все эти воюющие организации, сами по себе потенцией и весом не обладающие⁹⁵.

1 мая 1931 года состоялось открытие 5-го Международного фотосалона, в котором СССР продолжал принимать участие⁹⁶. Однако Е. Г. Спальвин, уже по привычке, отмечал, что за день до открытия выставки организаторы не получили снимки, не найдены они были и в торгпредстве⁹⁷.

На выставке преобладают нем-фото, что было объяснено тем, что местные фотографы чрезвычайно заинтересованы в снимках единственного мирового фотографа, к тому же почетного члена

95 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 58–59.

96 Узнать количество работ не представляется возможным по той причине, что в список каталога не был включен Советский Союз, поскольку экспонаты не были получены организаторами вовремя (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 50).

97 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 23.

япфотообществ Николая Першайдта. Совфото получены были слишком поздно⁹⁸.

В письме от июня 1931 года Е. Г. Спальвин упоминает, что к нему обратился господин Сома из газеты «Асахи», сообщив полпреду, что поступило приглашение на международную выставку печати в Тифлисе, но обращение было без подписи и указания сроков проведения мероприятия. Спальвину показалось это подозрительным, поскольку в Тифлисе предполагалось участие 228 стран, что в разы превышало участников недавней выставки в Кельне. Ссылаясь на свой опыт, полпред сообщал, что ему уже встречались подобного рода «приглашения» из Владивостока, также без подписи и указания ответственного лица⁹⁹.

В августе 1931 года Е. Г. Спальвин в компании с М. Г. Галковичем отправились на «Выставку материалов по советской культуре» в «главной квартире» ЯСЛХО, о чем он отчитывался Ф. Н. Петрову:

...заставило меня вместе с т. Галковичем, которого неукротимая энергия и упорство г. Сигемори сильно развеселили, поехать в указанный мавзолей с предполагаемыми останками покойного уже несколько лет общества... На осмотр выставки не требуется даже 3–5 минут. Несколько старых книг, фотоснимков, плакатов, по большей части без объяснений... за 3 дня... перебывало на этой с позволения сказать выставке человек 25 всего... Помещение принадлежит курсам русского языка и эсперанто... они рекламировались именами Йонекава, Нобори и других профессоров-зубров от русской лингвистики... преподает русский язык Хомма... Хомма, по словам т. Галковича, русского языка не знает, хотя и учился в Харбине. После этого краткого посещения и краткого объяснения наивного-дежурного я очень многое понял. Понял, почему нельзя отказаться от пустой вывески несуществующего общества, от которого более солидные элементы открещиваются... На двух окнах этого помещения на III этаже красовалась красной тушью надпись ВЫСТАВКА МАТЕРИАЛОВ ПО СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ. Звучит весьма и весьма внушительно. Правда помещение не важное... повсюду грязь. К сожалению, я был лишен возможности обследовать весь этот коридор,

98 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 108. Л. 48.

99 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 46.

потому что моему спутнику стало как-то неловко из-за слишком явной явности всего виденного. Однако, если к указанной надписи на окнах сделать еще несколько фотоснимков самой выставки и послать их Вам, не предупредивши, в чем тут дело, то Вы должны прийти в восторг и умиление... Разве это есть способ и средство, чтобы показать советскую культуру. На какой уровень рассчитан такой прием. Вы знаете, что достигнуто может быть в общественном смысле почти ничего, если не считать некоторые отголоски у людей имущих, но приобретающих вместо сахара сахарин¹⁰⁰.

Я считаю необходимым привести маленький пример косвенного значения. От кустарных изделий выставки торгпредства у Итоя, о которой я писал, публика осталась в восторге... Но недавно меня спрашивает дама из япончества, в чем же доказательство, что эти вещи действительно из Союза, в котором, как всему миру известно, ничего нет, по всей вероятности, Итоя воспользовался модным именем СССР, чтобы пустить завал своих собственных товаров. И действительно. В Японии какая бы ни была маленькая торговля имеет свои торговые знаки, свою художественно выполненную оберточную бумагу, такие же коробки и т. д. ... А наши кустарные изделия — ничего подобного не имели. Коробки, в которых продавались куклы, надо было просто сжечь, а не пустить на магазинные полки... Прекратить такую негодную игру с недопустимыми приемами можно только при помощи настоящего показа при посредстве настоящих общественных сил и специальных органов¹⁰¹.

В конце сентября, когда Е. Г. Спальвин уже почти завершил свое пребывание в Японии, газета «Ници-Ници» предложила М. Г. Галковичу устроить выставку искусства славянских народностей. Он отмечал, что лучше было бы изменить эту идею и сделать уклон в сторону организации выставки народов СССР. Выставка была запланирована на 1931 год, на ее показ необходимо было отправить различные образцы живописи и графики, книжных и кустарных изделий. За выставку должна была платить советская сторона, но имея за собой право на сбыт экспонатов. Галкович выражал надежду, что ВОКС сам решит, каков будет состав

100 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 95–97.

101 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Д. 98.

выставки, и в скором времени, не позже ноября, придет ее в Японию¹⁰². Далее по документам обсуждение выставки прерывается, в срок, по всей видимости, она не была организована, последующие краткие упоминания встречаются только в 1932 году. Выставка опять возникает в документах, но с большим уклоном на кустарные произведения¹⁰³. В октябре 1932 года М. Г. Галкович записал: «Мне непонятная причина провала этого ценного предприятия. Надеюсь, что ВОКС мысль о такого рода выставке не оставил и проведет ее все же в жизнь». Позднее, в декабре, имеется лишь одна короткая запись, из которой следует, что президент «Ници-Ници» попросил Галковича осуществить подбор кустарных изделий разного рода для организуемого в Японии музея, он же в свою очередь адресовал этот запрос московскому отделению ВОКС, но в дальнейшем каких-либо упоминаний исхода этого процесса не найдено¹⁰⁴.

1932 год

В мае 1932 года прошла еще одна выставка советского искусства в Токио; первоначально ее планировалось провести в апреле 1931 или в августе 1932 года¹⁰⁵. Посылком выставки, в отличие от 1927 года, стала демонстрация социалистической реконструкции СССР и культурных достижений союзных республик. Материал выставки, согласно документам, должен был повторять венецианскую, но исключать скульптуру, которую решено было не отправлять из-за больших расстояний¹⁰⁶. В другом документе звучала следующая формулировка: «Принять для сбора материалов программу Венецианской выставки и собирать материалы параллельно. Впоследствии материалы Японской выставки могут быть скомпонованы по иным разделам»¹⁰⁷.

В своем докладе к выставке Д. Е. Аркин говорил:

...организация выставки должна быть значительным шагом вперед по сравнению с выставкой 1927 г., тем более, что мы должны учесть, что в Японии очень сильно движение пролетарского искусства. Но с другой стороны, мы должны считаться с японской цензурой.

102 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 101.

103 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 194. Л. 48.

104 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 83. Л. 2, 14.

105 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 194. Л. 18, 31.

106 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 106. Л. 4–5.

107 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 109. Л. 4.

Основная тема выставки — социалистическая реконструкция СССР. Должна быть хорошо освещена проблема национальная и в смысле показа культурной работы в Републиках, и в смысле экспозиции работ художников Союзных Республ. Должна быть хорошо показана архитектура, особенно здания индустриального характера, плакат, киноплакат, детская книга, самодеятельное искусство, живопись и графика строго тематическая. Хорошо представить какой-либо бытовой комплекс — рабочий клуб, дом коммуны и т. д. ... Надо также подготовить заранее материал для репродукции в открытках, которые всегда охотно издают в Японии¹⁰⁸.

Представители японской стороны, Манака и Нарусава, были согласны организовать данную выставку на условиях, что ВОКС привозит экспонаты за свой счет, а они оплатят проживание¹⁰⁹. Вспоминал Манака и выставку 1927 года, отмечая, что она была неуспешной¹¹⁰. Выставка проходила в Осаке при поддержке газеты «Осака Майнити»¹¹¹, большинство художников-участников было из Украинской ССР. Успешность выставки и условия организации, следуя протоколу совещания сотрудников отдела выставок от февраля 1933, были относительными:

Председатель Гартман об организации японской выставки: *По японской выставке работа была организована неправильно. Имея условия японской выставки и тематический план, надо было передать общественным организациям и ведомствам установки для работы, создав их для участия в работе. Во время работы над этой выставкой была ненормальная обстановка, тяжелая атмосфера, какой-то лихорадочный период... нам сказали: «Некогда совещаться. Когда пожар — некогда распределять силы». Это было неправильно и результаты получились печальные¹¹².*

108 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 171. Л. 63.

109 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 24.

110 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 22.

111 Организаторы с советской стороны: Ф. Н. Петров (ВОКС), С. И. Мицкевич (Музей революции), Д. Е. Аркин (Выставочный комитет), Б. И. Терновец (Выставочный комитет ГМНЗИ), И. К. Хвойник (Выставочный комитет), С. М. Ромов, Рязский (ЦК Рабис), Мидлер (ВОСХ), Якуб (РАПП). Представители АХР, Бригады художников, ОРС, ОСТ, Всекохудожника, Сектора искусств Наркомпроса, Комакадемии, НККИД, ЦК ВКП(б), Третьяковской галереи, Изогиза.

112 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 143. Л. 8.

Левитан: Если т. Кравченко считает стоимость японской выставки в 40 000 рублей, а т. Гартман считает гораздо больше, так как смета еще бегут потоком, то это очень неправильное положение¹¹³. Заведующий отделом выставок Моталин: Основная наша задача — свести к минимуму расходы по выставкам, при наибольшем эффекте. Беречь валюту необходимо. Если советская власть строит социализм на те небольшие средства, которые имеет, то тем более Отдел Выставок должен укладываться в соответствующую смету... В отношении содержания выставок необходимо преподнести ценный идеологический посыл... Выставки необходимо строить так, чтобы не отделять идеологическую сторону от хозяйственной¹¹⁴.

В ноябре 1932 года состоялась выставка Федора Решетникова и других художников с ледокола «Сибиряков», совершавшего рейс в Арктику и во время плавания остановившегося на две недели в Японии. Известно, где именно выставка проходила, члены экипажа перечисляли три города, которые им удалось посетить: Токио, Иокогама, Цуруга. В статье «Художник-Челюскинец, Федор Решетников» писалось: «Когда “Сибиряков” пришел в Японию, там была устроена выставка работ сибиряковских художников. Выставка пользовалась заслуженным успехом. Среди выставленных работ выделялись этюды Федеи» [13, с. 91]. Однако в паре строк самого Решетникова о поездке в Японию упоминается только он и художник Лев Канторович: «Были мы и в Японии — в Токио. В Японии я и художник Канторович устроили выставку своих путевых зарисовок» [25, с. 420].

За месяц до этого в Москве начались собрания, посвященные международной выставке «Матери и ребенка», которая должна была пройти в Токио. В ходе первой встречи участники пытались установить количество экспонатов и размер павильона, в котором планировалось размещение экспозиции¹¹⁵. Дополнительно к этой выставке собиралась подборка фотографий киноактрис, операторок и работниц кино, устраивались съемки в детских театрах¹¹⁶. Подбирались площади для временного

113 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 143. Л. 9.

114 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 143. Л. 8.

115 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 83. Л. 2.

116 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 90. Л. 3.

хранения экспонатов в Москве (Политехнический музей или Музей народного образования)¹¹⁷.

В ноябре 1932 года состоялись более основательные переговоры по поводу организации выставки «Матери и ребенка» (также упоминается как «Женщина/ы и дети»)¹¹⁸. План экспозиции многократно пересматривался, не только по части экспонатов, многие из которых прибывали из разных республик, но также и по идейной составляющей. К примеру, первоначальный план критиковался по причине того, что там отсутствовали или не были проработаны следующие темы: «борьба с пережитками докапиталистической среды закрепления мусульманства», «роль религии, как фактора закрепощения женщины», «ликвидация женской проституции», «полная ликвидация беспризорности»¹¹⁹. Экспонаты также должны были отвечать установленным темам, организаторам хотелось показать, как «предоктябрьская женщина» поборола феодальные пережитки, проводя связь с теми устоями, что на тот момент продолжали встречаться в Японии¹²⁰.

Еще на этапе подготовки выставки организаторы с японской стороны запрашивали от ВОКС денежные суммы¹²¹, которых у организации не было. М. Г. Галкович уведомлял Е. О. Лернер, исполняющую обязанности председателя ВОКС, что им не хватало средств на развитие проектов в Тихоокеанском регионе. Дальнейшее обсуждение бюджета выставки переросло в бурную дискуссию. Е. О. Лернер обвиняла М. Г. Галковича в том, тот недостаточно ответственно отнесся к продумыванию финансовой части мероприятия, поэтому организация выставки была под угрозой, если бы не отдельные усилия со стороны ВОКС. Галкович парировал ее обвинения, заявляя, что на другие страны ВОКС выделяет в разы больше средств. Лернер в ответ утверждала, что на Японию и так выделялся максимум средств и что Галкович не может знать, сколько средств выделялось из бюджета на другие страны¹²². Завершается эта перепалка тем, что Галкович написал следующее:

117 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 184. Л. 45–46.

118 Также были выделены средства на создание фильма в 5 частях на тему «Женщины и дети в СССР». (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 143. Л. 12–14).

119 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 185. Л. 24.

120 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 185. Л. 49.

121 Бюджет выставки, встречающийся в документах: 40 000 рублей за счет ВОКСа, 10 000 рублей за счет Наркомпроса, 10 000 рублей за счет Наркомтруда, 5 000 рублей за счет Наркомпутей, Украинский отдел в сумме 25 000 рублей финансируется Укрнаркомздравом и другими организациями (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 196. Л. 17).

*Дело в том, что внутри самого ВОКС работа по Востоку — в частности по Японии — поручена была в течение ряда лет совершенно безответственным людям, политически не заслуживающим достаточного доверия и по деловым своим качествам неспособным руководить таким серьезным участком работы, как Восток*¹²³.

Положение выставки было под угрозой еще на предварительном этапе ее согласования, ВОКС делало запрос в НКВД по поводу целесообразности участия, а также настаивало на том, чтобы полпредство «выбивало» скидку¹²⁴. Л. Карахан в ответе сообщал, что НКВД склонен к отказу, но поскольку А. А. Трояновский уже был повязан некоторыми обязательствами и обещаниями, то во избежание «казуса» было принято решение участвовать в выставке. По итогам НКВД выделил 1500 аргентинских и 15 тысяч червонных рублей¹²⁵. Попытка запросить средства у Торговой палаты Наркомвнешторга кончилась отказом, они это объясняли тем, что Япония не была привлекательной в каком-либо виде для ведомства, в связи с конкуренцией и высокими пошлинами на советские товары¹²⁶.

Открытие выставки планировалось на март 1933 года, местом проведения стал павильон «Дзи-Дзи Кайкан». Ответственным за выставку был назначен В. В. Лозинский, а также члены общества «Ниссо Бунка Киокай», которые помогали в области перевода, оформления, а также дежурили на выставке. Японская сторона предоставила трех людей для помощи с организацией павильона: Кавакита (архитектор), Нодзаки (театральный критик), Цуда (художник)¹²⁷. Ввиду того, что К. С. Кравченко, секретарь художественной секции ВОКС, и Я. П. Мексин, ответственные за выставку от ВОКС, задерживались, всю работу по распаковке экспонатов и устройству выставочного пространства (экспонаты прибыли 11 марта, выставка открылась 17 марта)¹²⁸ исполняли японские

122 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 54.

123 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 65.

124 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 185. Л. 51.

125 ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 533. Л. 1–3.

126 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 186. Л. 42.

127 В моей статье о японских выставках в СССР [5] упоминалось, что Цуда навещал советское полпредство в 1934 году, а также планировалась его поездка в СССР в том же году, но неизвестно, была ли она реализована.

128 К. С. Кравченко и Я. П. Мексин пробыли в Японии с 24 марта по 4 мая. С 25 по 28 марта была проведена работа по расстановке экспонатов, с 30 по 31 марта была осуществлена

представители, без ВОКС, художник Иосиацу Икэбэ занимался оформлением раздела выставки, посвященного советской женщине.

Выставка, как и многие предыдущие до нее, столкнулась с организаторскими проблемами, хотя Е. О. Лернер заявляла, что значение Советского раздела среди других будет очевидно и велико¹²⁹. Планы по расстановке экспонатов не были присланы японской стороне, поэтому приходилось воспроизводить экспозицию, основываясь на планах Я. П. Мексина и А. И. Кравченко, которые прибыли спустя 8 дней (!) после открытия выставки. На японской таможне была конфискована детская книга об Индии и особое внимание было привлечено к ряду надписей о работе пионеров. Также бесследно исчезли некоторые экспонаты: модели трех домов коммуны и сотни детских рисунков. Большая беда случилась позже, когда советская сторона узнала, что, согласно правилам японского выставочного комитета, никакой педагогической или экскурсионной работы проводить было нельзя, поэтому приходилось обходиться лишь экспликациями. Выставка также, как это следует из писем, находилась под пристальным вниманием полицейского управления¹³⁰.

Общий посыл выставки заключался в том, чтобы отобразить «коренной переворот, созданный Октябрем» в разных областях жизни советской женщины, но большее внимание уделить «процессам культурно-бытового освобождения выбранной женщины». Экспозиция была поделена на четыре раздела, каждый из которых дробился на подтемы: «Женщина в СССР» (сельское хозяйство, женщина в борьбе за технику и знания, бытовое раскрепощение женщины в СССР, раскрепощение восточной трудящейся женщины и т. д.), «Дети в СССР» (общие данные о детях, охрана младенчества, дошкольное воспитание, школа, детская литература в СССР и т. д.), «Охрана здоровья женщины и детей в СССР» (проблемы охраны здоровья женщин и детей в НИИ СССР, санитарно-профилактические мероприятия, проблема беременности и аборта, достижения советского здравоохранения и т. д.), «Женщина и дети в искусстве»¹³¹. Среди материалов выставки, которые бы относились

работа по переводу экспликаций. Из 71 человека, с которыми они встречались за время пребывания, можно обнаружить знакомые имена журналистов Курода и Баба, художников Цуда и Кониси, коллекционера книг Фудзисава Морихико, коллекционера игрушки Такей-Такео.

129 ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 949. Л. 1.

130 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 58.

131 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 155. Л. 66–68.

к художественной категории: фотографии, детское творчество, кустарные изделия, образцы одежды, некоторое количество художественных произведений, посвященных женщинам и детям СССР¹³². В один из дней выставки планировалось провести «День советского павильона»¹³³.

С японским художественным журналом «Ателье» обсуждался выпуск журнала, посвященный советскому искусству. В редакцию были отправлены материалы: «Советская гравюра» К. Тихоновой, «Советская живопись» И. Хвойника, «Строительство соцгородов» арх. Бабурова, «Основные тенденции советской архитектуры» Д. Аркина, «Женщина в изо-искусстве СССР» К. Кравченко, «Организация художественного труда в СССР» Ю. Славинского, а также 106 фотографий советской живописи и 34 фотографии архитектуры¹³⁴. В журнал «Новая Россия» была дана статья Я. П. Мексина про работу детского музея в Москве и К. С. Кравченко про женщину в СССР. В журнал «Вомен обсервер» была дана статья К. С. Кравченко «Состояние народного просвещения в СССР», в «Тохокан Кенкю» еще один текст К. С. Кравченко «Впечатления от японских библиотек», устроена специальная беседа о положении детей в СССР с редакцией журнала «Друг женщин». Параллельно проводились специальные вечера для обсуждения народного образования, а также визиты в школы и библиотеки¹³⁵.

Из письма М. Г. Галковича от 11 апреля, в отношении выставки, можно узнать следующее:

Тов. Чернявский, которого ждали, не приехал. Печать встретила выставку сдержанно. Из-за отсутствия места в павильоне не было возможности развернуть графику и работу карандашом. Отдельно организуем небольшую выставку. Планируем открытие, но могут быть осложнения от реакционной прессы. Что делать с выставкой дальше?»¹³⁶

В мае с представителями газеты «Асахи» обсуждалась возможность провести показ отдельных картин с выставки «Матери и ребенка»,

132 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Д. 155. Л. 65.

133 ВОКС пытался узнать, будет ли у советских школ возможность прислать детей в Японию, но далее эта идея не упоминается (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 54).

134 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 200. Л. 10.

135 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 218. Л. 2.

136 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 52.

на той же встрече было оговорено желание японской стороны продлить демонстрацию работ всех участников выставки до середины июня, чтобы приурочить ее к специальному выпуску журнала «Гайкоку Бизитцу», который планировали полностью посвятить советскому искусству. В итоге выставка не была продлена, а закрылась в мае. Отдельный показ картин с выставки был также отменен, от нее отказались японские организаторы. Они объяснили это тем, что работы, предлагаемые на эту выставку, не представляют интереса и не показывают прогресс в искусстве советских художников¹³⁷.

В письме М. Моталина, заведующего отделом выставок ВОКС, датированном августом, говорится о том, что каталоги выставки из Японии так и не были привезены, а также о том, что, помимо ранее упомянутых материалов¹³⁸, японская пресса замолчала выступление СССР в Японии¹³⁹. В этом же письме встречалось упоминание, что японская выставка поедет в Украину, в Харьков, для последующей демонстрации¹⁴⁰. В сентябре же звучали обсуждения по отправке выставки в Китай (Шанхай)¹⁴¹.

1933 год

Летом 1933 года должна была состояться передвижная выставка советской живописи, графики и скульптуры по маршруту Япония — США [12, с. 37–38]. Планировалось отправить 250–300 картин, 400 листов графики и 20–30 скульптур. Подбор материала был осуществлен 1 мая, в период с 15 мая по 1 июня должна была быть совершена отправка. В Японии выставку должна была принять газета «Асахи», бюджет выставки составлял 5000 рублей¹⁴². Имеется упоминание, что в маршрут

137 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 213. Л. 74–76.

138 В отечественной прессе удалось найти лишь небольшую заметку в «Известиях»: «... советский павильон вызвал в японских кругах огромный интерес благодаря своим красочным экспонатам, свидетельствующим о высоком уровне воспитания детей и об улучшении положения женщин в СССР» [24, с. 2].

139 Оценка ее проведения разнилась и внутри самого ВОКС, к примеру, харьковское отделение писало следующее: «Не считаю выставку блестящей, но едва ли кто-нибудь мог достичь лучших результатов за такой короткий срок, чем тов. Орденко» (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 336. Л. 54).

140 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 279. Л. 20.

141 Планировалось, что выставка отправится в Шанхай, а затем в Чикаго. Позже в отчете заведующего отделом выставок М. Моталина указано, что выставка возвращается из Японии и никуда не будет направлена, поскольку нетранспортабельна (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 196. Л. 17, 37).

142 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 281. Л. 13.

была также включена Европа¹⁴³. В поздних документах значится, что отчетная отправка работ должна была состояться в ноябре 1933 года, более подробностей не обнаружено¹⁴⁴.

После 1933 года в списках зарубежных выставок, устраиваемых ВОКС, Япония не появляется, что не отменяет, по всей видимости, формат проведения более локальных и камерных мероприятий. В планах по Азиатскому региону находится упоминание выставок и в Японии, но каких-либо подтверждений проведения этих выставок не найдено, как и деталей организации. На 1934 год была запланирована выставка «Советской графики», для которой было предусмотрено 8 международных маршрутов, включавших в себя сразу несколько зарубежных стран, в один из них была включена Япония (Токио) и Китай (Шанхай, Нанкин, Кантон [после перечисленных городов стоит знак вопроса в документе]), но никаких уточнений не дается, кроме того, что должны были быть представлены литографии, офорты, гравюры и рисунки¹⁴⁵.

В плане выставок на 1936 год предполагалось следующее: «Архитектурная выставка», «Массовая школа СССР на новом этапе», «Филателия/выставка марок СССР/», «Итоги 4-ого Всесоюзного Театрального фестиваля по запросу уполномоченного» [зачеркнута в документе]¹⁴⁶. Отдельно заведующий Восточным отделом ВОКС, С. Грансберг, упоминал, что он неоднократно делал запрос уполномоченному ВОКС в Японии, А. Аскову, по поводу возможности устройства Пушкинской выставки в Японии по случаю юбилея писателя на конец декабря¹⁴⁷. Ранее ему также посылались собрание книг Пушкина, но отмечалось, что ответы из Японии не приходят¹⁴⁸.

Советские художники в Японии и другие связи

Многое было сказано о частных визитах японских художников и культурных деятелей в СССР [5], к сожалению, такого же нельзя заявить о советских художниках. Разумеется, известна история В. Д. Бубновой

143 По одной версии было 400 листов графики (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 192. Л. 9), по другой — 200 листов (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 281. Л. 13).

144 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 193. Л. 3.

145 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 282. Л. 27.

146 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 393. Л. 97.

147 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 223. Л. 39.

148 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 223. Л. 37.

и обстоятельства ее переезда в Японию, но были и другие лица, оставившие свой след в этот короткий промежуток зарубежных вояжей.

Переводчик и иллюстратор А. А. Лейферт известен своим ярким и плодотворным сотрудничеством с газетой «Токио-Асахи», для которой в 1931 году он выпустил серию карикатурных работ, посвященных приключениям иностранца в Японии [14, с. 118–122]. По документам ГА РФ находится еще два свидетельства, которые раскрывают небольшие детали его пребывания в Японии. В мае 1931 года состоялся турнир между Лейфертом и японским художником Иппей¹⁴⁹. Тогда же упоминается, что он совершил прогулку по Осацкому району для создания карикатур в сопровождении американского профессора Глин Шоу и двух японских корреспондентов¹⁵⁰.

Отдельно существовала история потенциального визита П. П. Кончаловского в Японию, которой так и не дано было осуществиться [19]. Еще во время устройства выставки 1927 года художник лично запрашивал встречу с комитетом, однако деталей беседы не обнаружено, поскольку встреча была отложена до утверждения Н. Н. Пунина¹⁵¹. В Японии интерес к художнику тоже имелся, из одного послания Е. Г. Спальвина следует, что коммерческий интерес был, журнал «Ателье» имел планы на то, чтобы издавать альбомы художника в Японии, но полпред посчитал это желанием журнала обогатиться за счет художника и внести разнообразие взамен французской живописи¹⁵². Все последующие свидетельства приходятся на 1932 год, имеется одно письмо М. Г. Галковича, где он писал следующее: «Что касается приезда Кончаловского, то мы здесь его поддерживаем при условии, что оно не будет особенно длительным и при условии оказания ему известной поддержки. Приехать и с первого дня зависеть от японцев — это не совсем удобно»¹⁵³. Изначально планировалось, что одновременно с выставкой советского искусства 1932 года будет показана выставка П. П. Кончаловского и организован его приезд¹⁵⁴.

Ранее упоминаемый участник выставки художников с ледокола «Сибиряков» Лев Канторович — единственный, кто решил описать

149 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 75. Л. 31.

150 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 44.

151 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 103.

152 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 78.

153 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 83. Л. 10.

154 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 143. Л. 83.

свой опыт поездки в Японию, сфокусировавшись на художественной сцене. Известно, что его записи о посещении Японии изначально были переданы в ВОКС, причем в документах они именуется как «характеристики художников Химуры, Цуда, Араки и др.»¹⁵⁵. Впрочем, почти все упоминаемые в характеристиках имена станут героями его книги, которая выйдет в 1933 году. (Ил. 12–14.) Книга представляет собой монолог Канторовича, его соображения в отношении Японии, ее рабочих и пересказы бесед с несколькими японскими художниками, которые зовутся по фамилиям, без уточнения каких-либо других данных. Ниже приведены примеры того, как художники описаны в книге и отчете; стоит обратить внимание на существенную разницу в тоне написанного.

Почти все художники впадали Канторовичу в немилость, начиная с Кимура-сан, которого он с ходу клеймил буржуазным, высказывая в его адрес нелюбезные комментарии:

Я подумал о том, что этот художник — сын народа художников, сын страны Восходящего солнца, ничем, кроме экзотического кимоно и раскосых глаз, не отличается от купца средней руки нашей до-революционной России... Реклама делает «бизнес», «бизнес» делает деньги [18, с. 30].

Т. Кимура — вождь народной школы, представитель мелкобуржуазной группировки... он не только художник, но и журналист, с некоторым оттенком деликатеса. Кимура не представляет особенного значения, как политическая и культурная величина»¹⁵⁶.

Другой художник, Ито-сан, получал аналогичную оценку:

Вся творческая работа, вся жизнь этого художника подчинена одному основному желанию — желанию создать себе ренту и приличное буржуазное положение... Подают последний деликатес — цветочный чай... Мы же еле сдерживаем желание выплюнуть отвратительную смесь одновременного сладкого и соленого вкуса [18, с. 43–44].

Ито — очень знаменитый и богатый художник... Подарил Канторовичу трактат, как писать женщин, где есть все — от философии

155 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 200. Л. 5.

156 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 277. Л. 100–101.

до технических приемов. Особенной глубиной этот художник все же не отличается¹⁵⁷.

Более снисходительной оценки был удостоен уже упоминаемый художник Цуда, поскольку он хоть в какой-то степени, в глазах автора книги, проявлял интерес к Советскому Союзу:

Пока мы рассматривали альбомы, в мастерской собрались ученики художника... Трудно говорить об их идеологии, об их политических взглядах. Но эти крепкие, спортивного склада люди, вряд ли будут так метаться, так путаться в своих личных переживаниях, как мягкий, неуверенный в себе Цуда... Но трудно понять людей Востока. Быть может, многие из энергичных и преданных питомцев «революционного» Цуда-сан станут фашистами [18, с. 53–54].
Цуда – ...Интересный художник, обладающий крупным политическим и общественным интересом. У него есть серия прекрасных акварельных пейзажей, где сочетается европейское и восточное начало. В его тематике есть некоторый либерализм. Его картина «Парламент» несет в себе известный протест. Цуда около 50 лет, он имеет много учеников и работы его на художественном рынке очень высоко котируются¹⁵⁸.

Араки-сан, единственный художник, кто получил очевидную похвалу за свое мастерство и верность традициям, поскольку только в нем Канторович находил оппозицию западным течениям:

Его уединенная жизнь и творческая работа поднимают его значительно выше умственного уровня надменных и тупых японских аристократов... Рабское обезьянничанье у европейцев или ремесленническое бездумное подражание классическому искусству одинаково говорит о кризисе мысли, о кризисе культуры [18, с. 91–92].
Араки – самый значительный из них в отношении общественного положения и богатства... Очень бы хотел приехать в СССР с выставкой японских художников. Как пример его значения в Японии

157 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 277. Л. 100.

158 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 277. Л. 100.

159 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 277. Л. 100.

12–14. Лев Канторович. Пять японских художников (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933) [18]
Обложка книги и портреты Ито-сан (с. 32) и Цуда-сан (с. 46)

можно привести тот факт, что императрица представила ему для выставки половину своего дворца¹⁵⁹.

«Пять японских художников» представляет интерес как своеобразный идеологический документ эпохи, но совершенно никак не соотносится с реальностью современного японского искусства 1930-х годов. Даже японское пролетарское искусство было для Канторовича примитивным и только возможные перспективы рабочей революции виделись автору интересными и важными. Отчетная сторона отличалась тем, что большинство художников рассматривалось с позиции «полезности» для советской стороны. Упомянулось, что все японские художники чрезвычайно заинтересованы в организации выставок в СССР, а Араки и Цуда могут быть полезны и оказывать содействие в устройстве советских мероприятий в Японии. Новым персонажем, не вошедшим в книгу, был критик Кадо, редактор журнала «Ателье», которого Канторович считал сомнительной личностью, но отмечал, что у него значительные связи в художественных кругах и он связан с М. Г. Галковичем. Среди прочих рассуждений в своем сообщении

Канторович говорил о том, что частных потребителей искусства в Японии мало, что выставки — это реклама для художников, объединения не играют роли, а художественных школ в Японии нет, только студии¹⁶⁰.

Остальные контакты между СССР и Японией существовали в форме обществ: ЯСЛХО, ЯСО, Японо-русское общество взаимопомощи, Японо-русский клуб. В газетах и журналах конца 1920-х с восторгом писалось о повальном интересе этих обществ к русской культуре [17, с. 2], хотя по факту в документах отчетливо фиксировалось, что в настоящую работу вовлечены были только ЯСЛХО и ЯСО (относительно активно действовало до смерти Симпэй Гото весной 1929 года), остальные составляли лишь бездейственный фон и иллюзию популярности всего советского в Японии¹⁶¹.

ЯСЛХО были ответственны за публикацию журнала «Японо-Советское искусство» (13 выпусков), О. Д. Каменева часто упоминала это издание¹⁶² в надежде на то, что там можно было бы каким-то образом развернуть тему советского искусства, но к 1929 году лишь постоянно возникали вопросы о том, как поставить на ноги журнал и увеличить его финансирование¹⁶³. Журнал в итоге был закрыт и взамен ему выпускался бюллетень¹⁶⁴. Д. Новомирский, референт по Дальнему Востоку, вспоминая Е. Г. Спальвина, отмечал, что тот вел себя себя несправедливо по отношению к обществу, навязывал им тяжелые обязанности и не считался с ними в публичных выступлениях, «распинаясь» только перед сановными чинами¹⁶⁵. При этом сам Спальвин, как это уже продемонстрировали примеры выше, считал впоследствии ЯСЛХО мертвым проектом, который стремился только к зарабатыванию очков авторитета. Того же мнения он придерживался и в отношении художника Кэндзо Кониси, что приезжал в Москву в 1929 году:

Между прочим, поразительный неуспех известного вам ЯСЛХО кроется именно в этой манере ведения дел путем использования в личных целях, якобы, существующих связей с Москвой. Это ведет к тому, что только путем опроса отдельных активных деятелей

160 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 277. Л. 100–101.

161 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 17.

162 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 26. Л. 137.

163 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 50. Л. 1.

164 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 4–5.

165 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 27. Л. 31.

этого общества /их, впрочем, не больше двух-трех/ с некоторым антуражем безразличных лиц в количестве пяти-шести, можно узнать о ближайших намерениях самого общества. Отдельные активисты настолько считают свои связи и сведения им лично принадлежащими, что видят свою деятельность не в проведении общего дела, а всего лишь в прославлении и авторизации своего собственного имени, не брезгуя в этом отношении даже довольно сомнительными приемами¹⁶⁶.

Среди этого существовал обмен книгами, что более подробно отражено в списках изданий, которые страны отправляли друг другу, в том числе и по искусству. Так, Япония передавала ВОКС «Ежегодник японского искусства» за разные годы¹⁶⁷. С советской стороны также были свои дары, которые посылались в общества и учреждения культуры, журналы и книги: «Социалистический город», «10 рабочих клубов Москвы», «Дома Коммуны», «Искусство бытовой вещи», «За большевистский плакат», «Художник в театре»¹⁶⁸. Отправлялись также и издания, посвященные японскому искусству от СССР, к примеру, Всеукраинская академия наук направляла издание книги «Японська гравюра» в 1927 году¹⁶⁹. Совершались и личные дары, архитектор Цуциура передавал японские архитектурные журналы (в них упоминался японский проект Харьковского театра), появлялись и японские издания о советской архитектуре за авторством профессора Имаи и Кавакита¹⁷⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русско-советское искусство открылось Японии в 1920 году выставкой Д. Д. Бурлюка и В. Н. Пальмова. Однако вскоре частные инициативы и локальные проявления русского искусства в Японии сменились организацией и участием в больших проектах, носивших уже соразмерный идеологический характер, этому периоду был отдан срок в восемь лет.

Коммуникативная ситуация между московским отделением ВОКС и японским, а также японскими организациями, как показала

166 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 78.

167 В настоящее время эти издания хранятся в ВГБИЛ.

168 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 12. Д. 200. Л. 10, 32.

169 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 49. Л. 42–43.

170 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 76. Л. 30.

совокупность примеров, была неотлаженной. Опоздания, отмена выставок, недосылка и потеря экспонатов, перекладывание организации на японских представителей — ситуации, с которыми советская сторона справиться за годы своего присутствия в Японии не смогла. Случаи иногда доходили до невообразимого абсурда, например, в 1932 году ЯСО писало, что до сих пор не может понять правильные адреса для писем разного предназначения и просит ВОКС прояснить, кому и в какие отделы необходимо слать письма¹⁷¹. Способствовало этому не только большое расстояние, но и отсутствие четкого разделения функций внутри самой организации, отдел ИЗО и отдел выставок часто конфликтовали друг с другом, не понимая где проходит граница их полномочий. Другое дело, что и заявки от японской стороны поступали слишком скоро, что не позволяло Москве оперативно отреагировать и выслать в срок экспонаты. В большинстве случаев видна довольно вялая реакция ВОКС на предложения полпредства в Японии, что, видимо, подтверждало их убежденность в невозможности устроить там рынок сбыта искусства.

Отчасти налаживанию связей мешал незначительный бюджет, который с годами не увеличивался, и нехватка кадров. Пример выставки советского искусства 1927 года наглядно показывал, насколько советское искусство за рубежом нуждалось в сильной информационной поддержке, по этой причине именно это событие уцелело в истории, в отличие от других. Более в советской прессе ни про одну выставку в таком объеме не писалось. В этом отношении подобная история напоминает и выставку японского кино в СССР в 1929 году, про которую ВОКС писали, что у них нет ресурсов на то, чтобы обеспечить ей тот же пиар, что они делали для приезда Кабуки¹⁷².

Парадоксально, что количество выставок, организуемое ВОКС, если обратиться к сводкам за период с 1925 по 1930 год, демонстрирует совершенно обратное: Япония на начало 1930-х годов занимает третье место (19), первое занимает Германия (38), второе СССР (31), на четвертой позиции США (11), а потом Англия (10), с общим количеством в 172 выставки. Очевидно, что материал неточен, в документ включены не все выставки, при этом логично было бы подразделить их на те, что полноценно устраивались ВОКС, а какие выражались в форме участия в групповых выставках. В связи с этим вызывает сомнение и фиксация уровня посе-

171 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 77. Л. 5.

172 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 135. Л. 19.

щаемости, остается загадкой, каким образом считались эти показатели на международных мероприятиях. Не стоит забывать, что устроители иногда умышленно завышали показатели, как это было с выставкой «Туризм и спорт», попросту пользуясь подходящими обстоятельствами.

Больших и триумфальных показов искусства тоже более не случилось, не только по причине плохой организации, но и усугубляющего положение расчета за меньшие средства делать более качественное, с постоянным убеждением, что японская сторона должна предоставлять льготы и помещение, оплачивать расходы и т. п. Отдельную роль пытались сыграть японские посредники (ЯСЛХО или ЯСО), но и их роль, как это показано выше, неуклонно падала до уровня «мавзолея» и «покойничкой». Личные приезды советских художников были исключением, как правило, вызванным стечением обстоятельств, как в случае В. Д. Бубновой. Остальные визиты всегда сопровождалась сложностями выезда из страны и еще большими проблемами по мере возвращения в нее: обвинения в шпионаже в пользу Японии и «контрреволюционная» формулировка значительным образом сокращали возможные визиты, несмотря на желание некоторых, к примеру П. П. Кончаловского, вырваться в Японию.

Е. Г. Спальвин, вне всяких сомнений, был важнейшим элементом в системе культурных связей между Японией и СССР, но его принципы и открытое выражение своего мнения приводили к весьма напряженным отношениям между ним и московским отделением ВОКС, которое не ограничивалось лишь О. Д. Каменевой. После того как она была снята с поста председателя ВОКС, пришедший на ее место Ф. Н. Петров в 1929 году писал, что Спальвин чужд идеологически и наносит прямой ущерб отношениям с ЯСО и ЯСЛХО. В своем письме Л. М. Карахану, заму НКИДА, новый председатель ВОКС настаивал на том, чтобы заменить его на япониста Н. Конрада, как более лояльного и надежного¹⁷³. Перевод Спальвина привел к большей бюрократизации процессов: по документам очевидно, что профессионального интереса к «японскому» стало в разы меньше, прежнего энтузиазма уже было не сыскать, даже у М. Г. Галковича, а связи и потенциал их наращивания был утерян. Последствия этого оказались фатальными, как сформулировал сам Спальвин: «Некоторые обстоятельства, как-то все

173 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 135. Л. 28.

учащающиеся в газетах сведения об устройстве по разным заграницам художественных выставок настоящего японского искусства, усиленное появление в литературе новых трудов, оригинальных и компилятивных о японском искусстве, досадная куцость, в которую вопреки моей подготовке и желаниям вылилась курсирующая по СССР выставка японской детской книги и детского творчества, поразительно скудное осведомление СССР о японском искусстве, при наличии яркого восторжения им, наконец, сознание застрявшего в пространстве начинания...»¹⁷⁴

Политические условия в Японии 1930-х годов, справедливые и не всегда обвинения в «красной пропаганде», также не позволяли продемонстрировать все искусство, что было, по сути, обоюдным процессом, поскольку обе выставочные стороны сумели к тому времени установить цензурные барьеры, ограничивающие те или иные темы. Успешность проекта советского искусства в момент проведения мероприятий и рассуждения о последующем влиянии на умы японских художников — эта концепция отлично чувствовала себя на страницах отечественной прессы, где место для неуспеха не находилось, но реалии заметно отличались. Разумеется, и этого не стоит отрицать, что внимание в Японии к выставкам было, но насколько целенаправленно оно было устремлено к советской культуре? Или же японская общественность воспринимала советское как одну из разновидностей всего западного?

Художественный образ или связи не были такими же сильными, как если бы речь шла о театре или литературе, об этом пишет и В. Д. Бубнова, ссылаясь на недостаточное знакомство с современным советским искусством у японского зрителя¹⁷⁵. Бесспорно, находились ниши в искусстве, которые восприняли плоды советского искусства, пролетарские художники — Окамото Токи, Томоэ Ябэ, Судзуки Кэндзи, Уэно Макото — возникнут и в послевоенное время они будут частыми гостями в СССР, но «революции» не случилось. Довоенный этап представления советского искусства в Японии показывал непонимание способов презентации искусства и культуры, низкое качество проектов, а в конечном счете и ошибочную стратегию, где апатичное и бюрократическое довлело над личностным, приводя к неуспеху и бессмысленности подобных начинаний.

174 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 160.

175 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 88. Л. 36.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аркин Д. Наше искусство в Японии // Советское искусство. 1927. № 4. С. 57–62.
2. Аркин Д. Советское искусство — Японии // Известия. 1927. № 149. С. 7.
3. Аркин Д. Японские письма // Красная газета. 1927. 16 сент. С. 4.
4. Асеев Н. Первая выставка русских художников в Японии // Всемирная иллюстрация. 1922. № 5. С. 14–15.
5. Белозёров В. От Токио до Москвы: японские выставки и поездки деятелей искусства Японии в СССР (1925–1935) // Искусствознание. 2023. № 1. С. 122–155.
6. Болтынская О. Советские фотовыставки за границей // Пролетарское фото. 1932. № 11. С. 38.
7. Выставка детского творчества в Японии // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 39–41. С. 12.
8. Выставка московского художника А. Миганаджиана // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 6. С. 3.
9. Выставка произведений К. Е. Костенко. Л.: Гос. русский музей, М.: Искусство, 1959.
10. Выставка русской живописи и промышленных диаграмм в Японии // Информационный бюллетень ВОКС. 1926. № 3. С. 14.
11. Выставки советского изобразительного искусства (1917–1932): справочник. Т. 1. М.: Советский художник, 1965.
12. Выставки советского изобразительного искусства (1933–1940): справочник. Т. 2. М.: Советский художник, 1967.
13. Гуревич М. Художник-челюскинец. Федор Решетников // Искусство. 1934. № 6. С. 91–92.
14. Дыбовский А. О карикатурах А. А. Лейферта (Газета «Токио-Асахи», 1931) // Известия Восточного института. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karikatura-a-a-leyferta-v-gazete-tokioasahi-1931> (дата обращения: 31.08.2023).
15. За рубежом. Русская выставка в Японии // РАБИС. 1927. № 20. С. 19.
16. Икута М. Е. Г. Спальвин в Японии // Известия Восточного института. 2001. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-g-spalvin-v-yaponii> (дата обращения: 31.08.2023).
17. Каменева О. Культурное сближение Японии и СССР // Известия. 1928. № 155. С. 2.

18. Канторович Л. Пять японских художников. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
19. Максименсков Л. Портрет художника в чекистском интерьере // Огонек. 2020. № 51. 28 декабря. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4625458> (дата обращения: 31.08.2023).
20. Маранджян К. Коллекция Е. Г. Спальвина в собрании ИВР РАН // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15. № 2. С. 88–97.
21. Мильман В. Выставка пролетарских художников Японии // Искусство в Массы. 1930. № 7. С. 3–5.
22. Мильман В. На международной выставке туризма и зимнего спорта в Японии // Физкультура и спорт. 1930. № 13. С. 11.
23. Окамото Т. Японский художник о советской живописи // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 27. С. 22.
24. Открытие советского павильона на токийской выставке // Известия. 1933. № 105. С. 2.
25. Поход «Челюскина». Т. 1. М.: Изд. «Правды», 1934.
26. Пунин Н. Выставка картин советских художников в Японии // Жизнь искусства. 1927. 34. С. 10.
27. Пунин Н. Мир светел любовью: дневники. Письма. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000.
28. Русское искусство за рубежом // Информационный бюллетень ВОКС. 1926. № 8. С. 13.
29. Рязанцев И. В., Малинина Т. Г., Володина Т. И. Выставочные ансамбли СССР, 1920–1930-е годы: материалы и документы. М.: Галарт, 2006.
30. Советская живопись в Японии // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 9–10. С. 26.
31. Советское искусство — Японии // Красная нива. 1927. № 14. С. 19.
32. Советское искусство и литература в Японии // Информационный бюллетень ВОКС. 1927. № 15–16. С. 14–15.
33. Фудзимото В. Е. Г. Спальвин — секретарь советского посольства в Токио // Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2014. С. 128–145.
34. A Chehov evening in Japan // VOKS Bulletin. 1930. № 1–3. Pp. 116–117.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список русских/советских выставок в Японии, а также международных мероприятий с участием советских художников (1920–1933)¹⁷⁶

1920 — Первая выставка русских художников в Японии (Токио, Иокогама, Осака).

1925 — выставка К. Е. Костенко¹⁷⁷.

Январь-февраль 1926 — Выставка русской живописи и промышленных диаграмм (Осака).

21–23 августа 1926 — Выставка советской печати (Токио) + уголок ВОКС на выставке советской печати. Число посетителей: 2000 человек.

20–30 октября 1926 — выставка А. Миганаджиана (Токио).

Осень 1926 — выставка А. Миганаджиана (Осака).

Ноябрь 1926 — 1927 — Транспортная выставка — *отказ от участия, часть экспонатов была выслана.*

15 мая — 1 июня 1927 — Выставка советского искусства (Токио). Число посетителей: 10 000 человек.

Участники раздела живописи: Альтман Н. И., Архипов А. Е., Бычков В. П., Богородский Ф. С., Берингов М. М., Белянин Н. Я., Богданов С. А., Гринберг В. А., Грабарь И. Э., Герасимов А. М., Древин А. Д., Журавлев В. В., Котов П. И., Кузнецов В., Крымов Н. П., Куприн А. В.,

176 Необходимо обратить внимание, что в справочнике выставок советского изобразительного искусства [11] допущена ошибка. За 1926 год указана передвижная выставка советского искусства (Харбин, Токио, Аомори). Никаких передвижных выставок советского искусства такого масштаба не было ни в списках, ни в документах. Более того, попытка проверить эти мероприятия по тем источникам, что указаны в справочнике, не привели к успеху, в указанных источниках находится совершенно другая информация. Это было бы и нелогично для ВОКС, спустя год после такой крупной выставки, организовывать новую. Авторы справочника по какой-то причине, по моему предположению, перепутали ее с ранними планами выставки 1927 года, поскольку многие имена художников совпадают. Эта ошибка также переключала в книгу «Из истории художественной жизни СССР: интернациональные связи в области изобразительного искусства, 1917–1940: материалы и документы» (М.: Искусство, 1987. С. 85), где значится, что Ябэ отбирал для нее работы и Д. Е. Аркин представил ее летом 1926 года. Также имеются неточности в книге «Выставочные ансамбли СССР, 1920–1930-е годы: материалы и документы» [28]. Данный перечень выставок вносит уточнения по датам, городам, а также обнаруживает новые мероприятия.

177 В докладной записке ВОКС отмечалось, что международная выставочная деятельность ВОКС началась в декабре 1925 года. Японским дебютом считалась выставка советской печати в 1926 году (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 44).

Кустодиев Б. М., Лучишкин С. А., Львов П. И., Лобанов С. И., Маркичев М. А., Модоров Ф. А., Машков И. И., Осмеркин А. А., Петров-Водкин К. С., Пахомов А. Ф., Попов Н. Н., Перуцкий М. С., Рождественский В. В., Ряжский Г. Г., Радимов П. А., Серебрякова З. Е., Сретенский Г. А., Стеньшинский И. С., Туржанский Л. В., Терпсихоров Н. Б., Удальцова Н. А., Федоров В. Ф., Фальк Р. Р., Франкетти В. Ф., Харламов М. Е.¹⁷⁸, Штеренберг Д. П., Истомин К. Н., Юон К. Ф., Герасимов С. В., Кузнецов П. В., Бебутова Е. М., Ражин Н. П., Тышлер А. Г., Кончаловский П. П., Шестаков Н. И.

Участники раздела графики: Альтман Н. И., Бруни Л. А., Дейкин Б. Н., Доброковский М. В., Добров М. А., Земенков Б. С., Кравченко А. И., Костенко К. Е., Левитский Р. С., Лансере Е. Е., Лансере Н. Е., Лебедев В. В., Львов П. И., Митурич П. В., Митрохин Д. И., Нивинский И. И., Павлов И. Н., Петров-Водкин К. С., Радионов М. С., Тырса Н. А., Штеренберг Д. П., Чехонин С. В., Эндер Б. В., Серебрякова З. Е., Пахомов А. Ф., Тышлер А. Г., Фаворский В. А., Конашевич В. М.

15 июня — 1 июля 1927 — Выставка советского искусства (Осака). Число посетителей: 5000 человек.

5 июля — 10 июля 1927 — Выставка советского искусства (Нагоя). Число посетителей: 4000 человек.

Июль-август 1927 — Международная выставка недели детского творчества (Токио, Осака, Киото, Кобе, Сендай). Число посетителей: 10 000 человек (Токио), 3000 человек (Осака).

Сентябрь 1927 — Рекламный плакат (Токио). Показано 50 плакатов. Число посетителей: 5000 человек¹⁷⁹.

Апрель 1928 — Выставка экономического (коммерческого) образования СССР (Окаяма). Показано 300 экспонатов. Число посетителей: 2000 человек.

1 мая — 7 июня 1928 — 2-й Международный фотосалон (Токио). Число посетителей: 5000 человек.

Участники: Миловидов М. П., Еремин Г. П., Штеренберг А. П., Андреев Н. П., Гринберг А. Д., Ярославцев и др. (36 фотографий).

178 Среди документов была найдена справка, выданная художнику Харламову М. Е. о том, что он участвовал в данной выставке и был в составе жюри в Японии. Однако какое именно жюри и какую функцию оно выполняло, неизвестно (ГА РФ Ф. 5283. Оп. 11. Д. 75. Л. 145).

179 Неизвестно, была ли это международная выставка или исключительно советский показ (ГА РФ Ф. 5283. Оп. 11. Д. 78. Л. 28; ГА РФ Ф. 5283. Оп. 11. Д. 73. Л. 53).

Август 1928 — Международная выставка рекламного плаката (Токио).

Март 1929 — выставка детских рисунков через атташе по просвещению (Выставка детских рисунков и стихов) (Токио). Число посетителей: 1000 человек.

Май 1929 — выставка японских газетных вырезок Е. Г. Спальвина.

1–20 мая 1929 — 3-й Международный фотосалон (Токио). Число посетителей: 5000 человек.

Май-июнь 1929 — 3-й Международный фотосалон (Осака). Число посетителей: 1000 человек.

Июнь 1929 — Советское кино («Выставка европейского кино») (Токио). Число посетителей: 10000 человек.

Июль 1929 — Международная выставка «Детские ясли» (Кобе). Число посетителей: 2000 человек или 1500 человек¹⁸⁰ — *отказ от участия, выслан один фильм.*

Октябрь 1929 — Юбилейная выставка А. П. Чехова (Токио). Число посетителей: 12000 человек¹⁸¹.

Декабрь 1929 — Вторая выставка пролетарского творчества (Токио). Среди участников: Машков И. И., Кончаловский П. П.

Декабрь 1929 — Международная выставка «Туризм и спорт» (Выставка зимнего спорта и туризма) (Токио). Число посетителей: 45 000 человек.

Февраль-март 1930 — Международная выставка «Туризм и спорт» (Выставка зимнего спорта и туризма) (Осака). Число посетителей: 11 000 человек.

Февраль (октябрь?)¹⁸² 1930 — Международная выставка «Туризм и спорт» (Выставка зимнего спорта и туризма) (Сендай). Число посетителей: 10 000 человек.

Весна 1930 — выставка кустарной промышленности — *предложение отклонено.*

Весна 1930 — выставка радио — *предложение отклонено.*

Июнь 1930 — детская выставка¹⁸³.

180 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 30.

181 Выставка книг в рамках чеховского юбилея собрала 2000 зрителей (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 78. Л. 28).

182 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 4. Д. 66. Л. 107.

183 Неизвестно название и какие-либо детали, однако она указана в списке проведенных мероприятий по детской теме (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 78. Л. 31).

25 сентября — 3 октября 1930 — Выставка советской кинематографии (Токио).

1931 — Советская химпромышленность в фотографиях, в рамках выставки химпромышленности (Токио)¹⁸⁴.

1931 — выставка левого фото в Японии¹⁸⁵.

1–6 января 1931 — Выставка советской кинематографии (Киото).

Май 1931 — Международная выставка торговых плакатов (Осака).

1 мая — 7 июня 1931 — 5-й Международный фотосалон (Токио, в другие даты — Осака).

Участники: Штеренберг А. П. и др.

1932 — Искусство славянских народностей — *предложение не реализовано*.

Май 1932 — Выставка советского искусства¹⁸⁶.

Участники: Бизюков О. Т., Бланк Б. П., Богомазов А. К., Гвоздик К. В., Дерегус М. Г., Довгаль А. М., Касиян В. И., Кричевский Ф. Г., Нелепинская-Бойчук С. А., Падалка И. И., Пальмов В. Н., Седляр В. Ф., Толкачев З., Фрадкин М. Б., Шавыкин Д. Н., Шаронов М. А., Шехтман Э. И., Шовкуненко А. А.¹⁸⁷

Предположительные участники: Зернова Е. С., Пименов Ю. И., Терпсихоров Н. Б., Фрагер, Лебедев-Шуйский А. А., Герасимов А. М., Шифрин Н. А., Федоров В. Ф., Филиппович М. М., Гранавцева М. С., Лучишкин С. А., Древин А. Д., Удальцова Н. А., Кузнецов П. В., Бабутова Е. М., Ивановский И. В., Ряжский Г. Г., Вялов К. А., Соколов-Скаля П. П.,

184 Факт проведения неизвестен.

185 Подобная формулировка встречается единожды (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 77. Л. 43). Есть вероятность, что под этим имеется в виду показ советской фотографии на 5-м Международном фотосалоне, в одной из смет указывается подготовка комплекта фотографий для Японии (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 129. Л. 99).

186 Изначально по плану должна была пройти в августе 1932 года, затем в апреле (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 194. Л. 18, 20.), затем в марте (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 129. Л. 38) и только уже потом в мае (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 129. Л. 41).

187 Данный список приведен по справочнику [11] и документам, хотя имена Бланка Б. П. и Фрадкина М. Б. не находятся в документе. Сложность определения участников заключается в том, что в делах к выставке они все идут под общей ранжировкой Венеция–Чикаго–Япония, хотя и случались отдельные списки по Японии, но они были отменены. Четкое понимание существует только в отношении группы художников из Украинской ССР, но сама выставка позиционировалась как демонстрация искусства республик, что предполагает наличие и других художников, но найти полноценного списка пока не удалось. Косвенные свидетельства имеются в документе, где указываются требования армянских и грузинских художников вернуть им работы с выставки, поскольку с момента ее окончания уже прошло слишком много времени. (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 275).

Ромадин Н. М., Штеренберг Д. П., Мельникова Е. К., Чершынев М. В., Денисовский Н. Ф., Ладыгин (?), Богданов (?), Богомазов А. К., Санадзе К. Б., Махарабризан (?), Аракелян Г. Г., Гюрджан Г. М., Сарьян М. С., Мангасаров Ш. Г.¹⁸⁸

Раздел рисунка: Гончаров А. Д., Кукрыниксы, Дмитриевский Н. П., Богаевский К. Ф., Малейна Е. А., Ефимов И. С., Еремян В. Н., Павлинов П. Я., Гудиашили Л. Д., Игуинов С. Д., Купреянов Н. Н., Горшман М. Х., Шифрин Н. А., Гуревич М. Л., Могилевский А. П., Щурпин Ф. С., Удальцова Н. А., Барто Р. Н., Шор С. М., Бибииков В. С.¹⁸⁹

В списке гравюр, отправляемых для выставки советского искусства в Японии значатся Касиян В. И., Нелепинская-Бойчук С. А., Бланк Б. П., Фрадкин М. З.¹⁹⁰

Ноябрь 1932 — выставка художников с ледокола «Сибиряков».

Участники: Федор Решетников, Лев Канторович.

17 марта — 10 апреля 1933 — Международная выставка «Женщины(а) и дети» («Матери и ребенка») (Токио).

Участники: Антонов Ф. В., Барто Р. Н., Бибииков В. С., Великанов Ю. П., Гончаров А. Д., Гуревич М. Л., Довгаль А. М., Игумнов А. И., Каплун А. В., Касиян В. И., Кашина Н. В., Кешелова В. А., Конашевич В. М., Королев Б. Д., Кравченко А. И., Кругликова Е. С., Купреянов Н. Н., Лабас А. А., Малейна Е. А., Митрохин Д. И., Могилевский А. П., Нелепинская-Бойчук С. А., Нивинский И. И., Оболенская Ю. Л., Орлова-Мочалова М. Н., Павлинов П. Я., Павлов Н. А., Пахомов А. Ф., Пименов Ю. И., Пискарев Н. И., Радимов П. А., Рыбченков Б. Ф., Староносков П. Н., Фаворский В. А., Фрам М. Л., Хижинский Л. С., Шор С. М., Шпинель И. А., Штеренберг Д. П.

Лето 1933 — Передвижная отчетная выставка живописи, графики, скульптуры (Япония, США).

188 Согласно документу (ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 171. Л. 3–4). По итогам было принято решение, что этого материала недостаточно. В дальнейшем можно наблюдать, как запросы были отправлены в Музей революции и членам РАНХ и АХР с просьбой предоставить для венецианской и японской выставок дополнительных авторов, но не ясно, какие работы должны были отправиться в Венецию, а какие в Японию (Там же. Л. 27–28). В дальнейшем выясняется, что был предоставлен список работ украинских художников, которые были экспонированы Всекохудожником на выставке «Художники СССР» в Москве. Их предполагалось показать в Японии (Там же. Л. 29).

189 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 173. Л. 133–135.

190 ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 19. Л. 115.